

ИЮНЬ

Лето семья Н.К. Рериха провела в Берёзках Вышневолоцкого уезда...

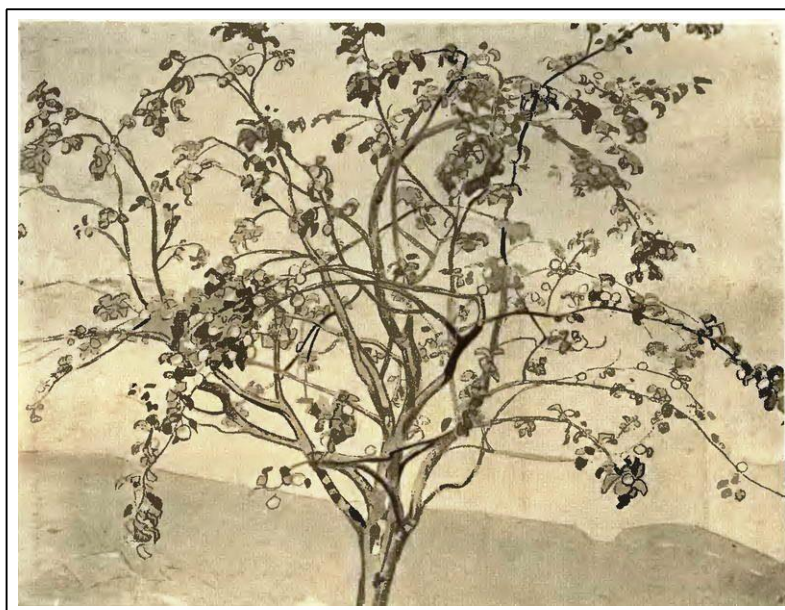
Этюды Н.К. Рериха:

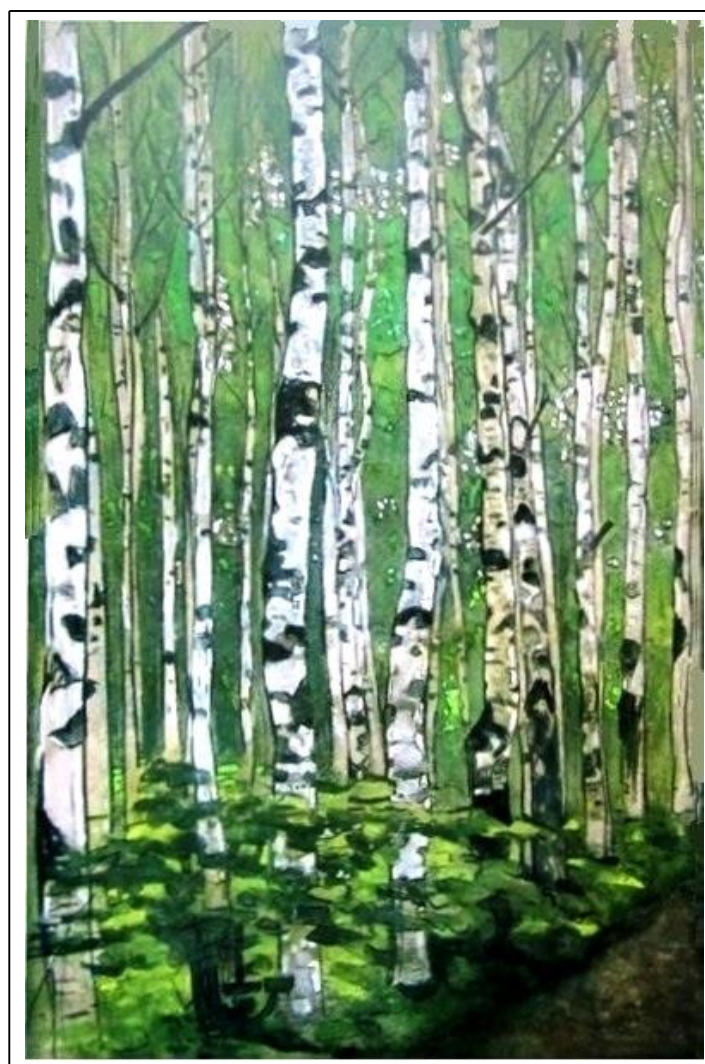
Н.К. Рерих. Облака. Этюд. 1905.

Н.К. Рерих. Папоротники. Этюд. 1905.

Н.К. Рерих. Яблоня. 1905.

Н.К. Рерих. Берёзы. 1905.

ИЮЛЬ

2 июля 1905 г.

ИЗДАНИЯ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНИИ

Община св. Евгении выпустила в свет новые художественные открытые письма Красного Креста:

159 портретов «Исторической выставки» в Таврическом дворце — цена 8 руб.; в отдельности — по 5 коп. экземпляр. Кроме того, выпущены акварели художников: Борисова (Крайний Север), Бенуа, Добужинского, Зарубина, Рериха, Репина (гр. Толстой), Серова, Столицы, Химоны (виды Крыма). Главный склад для иногородних в С.-Петербурге: попечительный комитет о сестрах Красного Креста, Пески, Старорусская, 3. Для городских - Морская, 38.

Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 2/15 июля. № 159. Суббота. С. 2.

4 июля 1905 г.

На заседании Англо-русского литературного общества в Лондоне.

Хроника

4 июля, в очередном заседании Англо-русского литературного о-ва в Лондоне была прочитана в переводе г. Марченд интересная статья Сергея Маковского «Дух древней Руси в произведениях нового искусства», посвящённая преимущественно произведениям Н. К. Рериха (позднее эта статья напечатана в журнале Англо-русского о-ва). В ней много интересных суждений о переживаемом нами художественном моменте.

...В жизни каждой страны бывают периоды, над которыми витают призраки прошлых веков. И в настоящее время молодая Россия переживает этот таинственный период возврата к тому, что никогда не возвращается. Есть две школы художников, тяготеющих к старине: 1) изучающие седую, исконно-русскую старину (Васнецовы, Нестеров, Рерих, Якунчикова, Билибин) и 2) изучающие послепетровскую эпоху (Сомов, Бенуа, Лансере, Бакст).

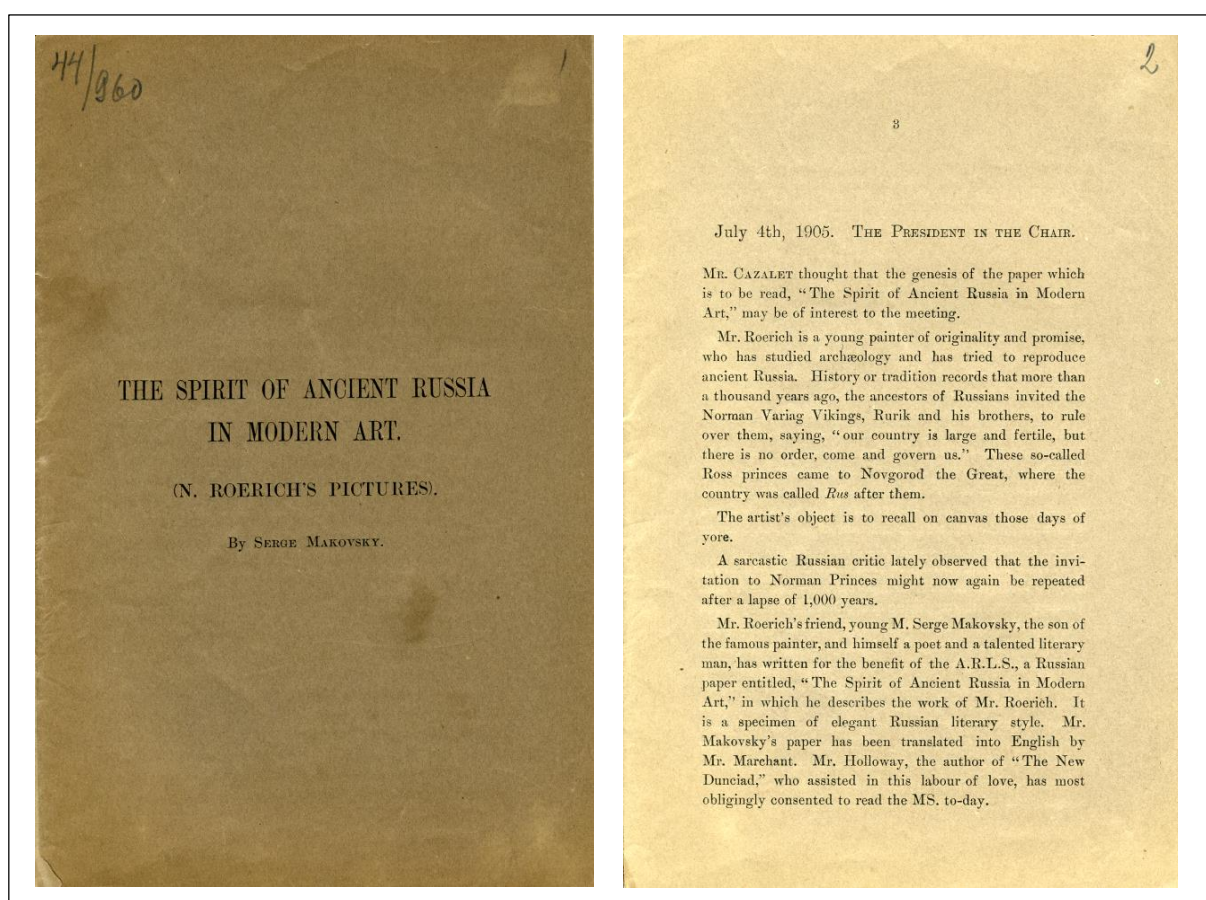
...Принцип, общий для всего этого течения - глубокая субъективность художественного восприятия старины, позволяющая воссоздать прошлое с его интимно-бытовой стороны. Все эти художники — чистые националисты со своею верой в мистическую обособленность русской души.

Рериху Маковский посвящает несколько специальных глав. Как наиболее художественные для него черты, Маковский отмечает способность глубоко-интимного проникновения в мистическую реальность древнерусской жизни и неутомимое искание при единстве, основной, постепенно нарастающей мелодии. Картины Рериха - сон старины, ещё доисторической, где воскрешаются духовные истоки, в которых рождается раса. Статья заканчивается параллелью между Рерихом, как *чисто русским*, и Врубелем, как *славянским* талантом.

В статье намечены главнейшие этапы художественного движения, поставившего себе целью воскресить поэзию древнерусской жизни.

...Шварц, выступивший впервые с целой серией картин на темы XVI и XVII вв. ещё 30 лет тому назад... Суриков... Народная фантастика картин Виктора Васнецова, вначале так мало понятых... Огромное дело возрождения художественных традиций в области кустарной промышленности - дело, вынесенное на своих плечах Е. Поленовой и М. Якунчиковой, которые создали с помощью Мамонтова его «Абрамцево», сыгравшего незабываемую роль в поднятии художественного вкуса кустарей... «Талашкино» кн. Тенишевой, взявшей на себя нелёгкую задачу продолжать их дело... Автор выражает глубокую уверенность, что дело это находится в умелых руках и что Талашкино имеет большое художественное будущее.

Искусство. 1905. Август. № 8. С. 69.

Брошюра С.К. Маковского о творчестве Н.К. Рериха
«*The Spirit of Ancient Russia in modern Art*»
«*Дух древней Руси в современном искусстве*»
(Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/960, 16 л.)

[С. Маковский]
О творчестве Н. Рериха

Помещая в настоящем № ряд рисунков Н. К. Рериха, редакция «Весов» очень рада, что может сопроводить их прекрасной характеристикой творчества этого художника. Следующие далее строки представляют собою отрывок из публичной речи г. *Сергея Маковского*, прочитанной (в английском переводе) 4 июля н. ст. на заседании Англо-русского общества в Лондоне. Вся речь озаглавлена «Дух древней Руси в современном искусстве» («The Spirit of ancient Russia in modern Art») и даёт как критико-биографические сведения о Рерихе, так и краткий обзор всего творчества молодого поколения русских художников.

Творчество Рериха поразительно многообразно, как по технике, так и по рисунку. Он принадлежит к числу тех художников, которые неустанно стремятся вперёд, никогда не зная самоудовлетворения в покое. Сюжеты его картин всегда различны. Иногда краски у него положены так густо, что рисунок различается с трудом, в других же случаях его кисть только легко прикасается к полотну, передавая сюжет с бархатной нежностью и с тщательно выработанными деталями. Иногда на его картинах тёмные, почти бесцветные пейзажи, в серых, тяжёлых, как свинец, тонах, - мрачные, мёртвые сумерки, словно видения тех берегов, над которыми никогда не забрезжит заря. Но по временам вырываются у него блестящие пятна и зажигается серебристый свет; тогда его создания горят фантастической радугой, с блеском самоцветных камней, с нежным отсветом жемчуга.

Столь же разнообразна композиция его картин. То перед нами каменный век, отдалённая эпоха языческих обычаев и предрассудков, дикое празднество древних славян и их ужасные таинственные волхования; то - легендарные времена норманнских вторжений; то - времена Московской удельной Руси. Здесь видишь седовласых славянских жрецов, окружённых деревянными идолами и выкликающих страшные обеты в священной роще; там - толпа викингов с маленькими красными щитами и длинными копьями, на пышно-раскрашенных парусных лодках, уносит добычу к тёмно-синему морю; там - деревянные городки старорусских князей, поставленные на крутых холмах и в светлых долинах; там - куча шалашей на берегах реки, озарённой золотыми лучами месяца, по которой скользят кожаные челноки варваров; наконец, - герои старинных песен, «заморские гости», копейщики и гонцы времён Алексея Михайловича...

Однако, несмотря на то, что творчество Рериха так многообразно, так богато, в этом творчестве можно уловить единый стиль, одну непрерывающуюся мелодию, одну вечно развивающуюся тему. Этот стиль - строгость, страшная сила, неприкрашенная точность линий и красок. Эта мелодия - грёза о седой, родной старине. Эта тема — человек былых времён, первобытный дикарь в своих доисторических лесах и долинах, забытая душа которого просвечивает во всём совершающемся в России. Художник идёт к истинным источникам судьбы своего народа. В своих фантастических срубках, в тех образах, какие он вызвал к жизни, он постоянно ищет глубины; его влечёт то, что утверждено на первичном граните народного духа, покрытом наслоениями столетий. И через это понятно, почему его произведения лишены весёлости, чуждаются блистательного полуденного света и солнечных лучей. Солнце - толь-

ко незначительная часть реального. Солнце принадлежит земле. Мысли прошлого родились в полумраке.

Тёмные крылья мрачного дня, что веют над творчеством Рериха, подобные тайне, молчаливо напоминают нам о характере его души. Не только люди и животные, святые и ангелы, но и вся природа, каждый камень его старинных крылец, его церквей с колокольнями полны веяньем демонического. Можно не обращать на него внимания, но однажды привлечённый этой красотой уже не может вырваться из-под её влияния. Страшный лик Аримана является перед вами, и вы начинаете любить его. И чем ближе художник приближался к народному, религиозному складу ума, тем неизбежнее становится его падение. В его религиозных композициях нет ничего чувствительного, привлекательного, радостно-невинного. Он очарователь, хотя не волшебник, не маг. Вот на лесной поляне, слабо освещенной блеском костра, «совет стариков»; согбённые жрецы творят обет в священной роще; волки устало бродят осенней ночью; где-то на высоком холме древние, лишённые индивидуальности, люди «строят город»; На морском берегу, над серыми скалами сидят вороны — «зловещие»... И чувствуешь, что соблазняют эти чёрные птицы в холодных сумерках Севера, как мрачные призраки греховной души. И такое же вещее молчание разлито над большинством созданий Рериха, и не смеешь громко говорить перед ними...

Весы. 1905. Август. № 8. С. 46-47.

13 июля 1905 г.

КАРТИНЫ РУССКОГО ХУДОЖНИКА В ПРАГЕ

В Праге, на открывшейся там большой художественной выставке, экспонируется работа нашего молодого, но хорошо известного художника и археолога Н. К. Рериха. Удачно и толково размещённые произведения Н.К. Рериха произведут на тамошнюю публику и артистов отличное впечатление и вызовут поощрительные отзывы в печати как художественной, так и общей.

Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 13/26 июля. № 167.

Н.К. Рерих. На приступ. 1900-е.

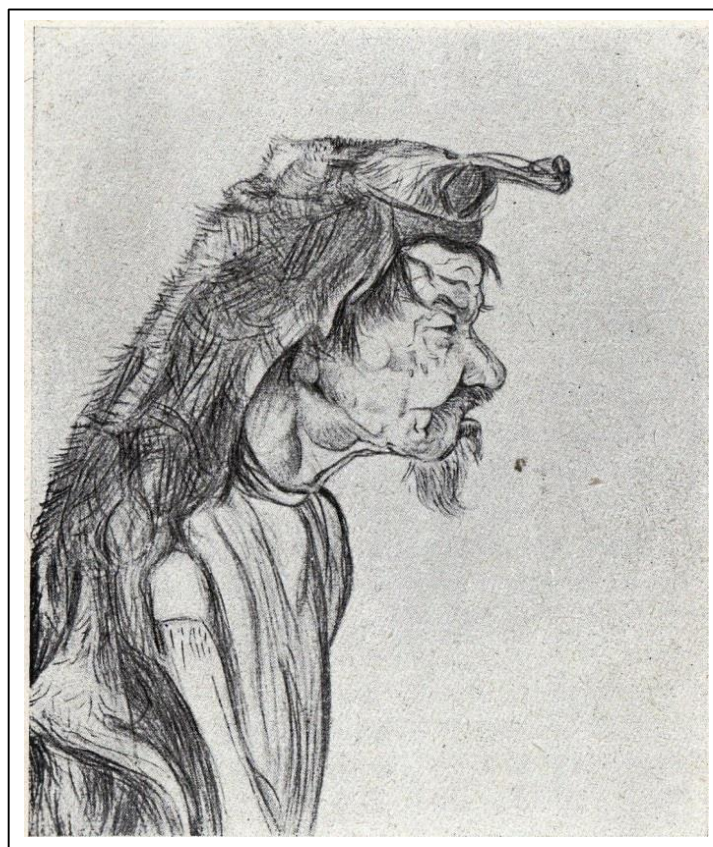
ДУХ ДРЕВНЕЙ РУСИ РЕРИХА...

«...разнообразна композиция его картин. То перед нами каменный век, отдалённая эпоха языческих обычаев и предрассудков, дикие празднества древних славян и их ужасные таинственные волхования; то - легендарные времена норманнских вторжений; то — времена Московской удельной Руси. Здесь видишь седовласых славянских жрецов, окружённых деревянными идолами и выкликающих страшные обеты в священной роще; там - толпа викингов с маленькими красными щитами и длинными копьями, на пышно-раскрашенных парусных лодках, уносит добычу к тёмно-синему морю; там - деревянные городки старорусских князей, поставленные на крутых холмах и в светлых долинах; там - куча шалашей на берегах реки, озарённой золотыми лучами месяца, по которой скользят кожаные челноки варваров; наконец, - герои старинных песен, «заморские гости», копейщики и гонцы времён Алексея Михайловича...»

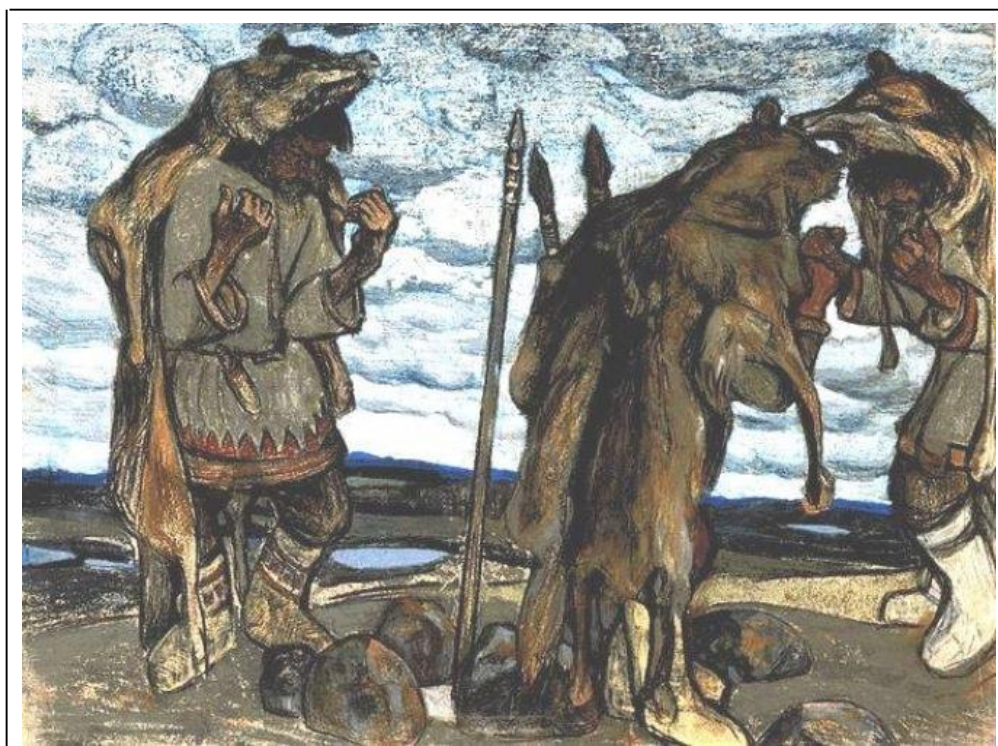
С. Маковский

Н.К. Рерих. Изда смерти. 1900-е.

Н.К. Рерих. Колдун. 1905.

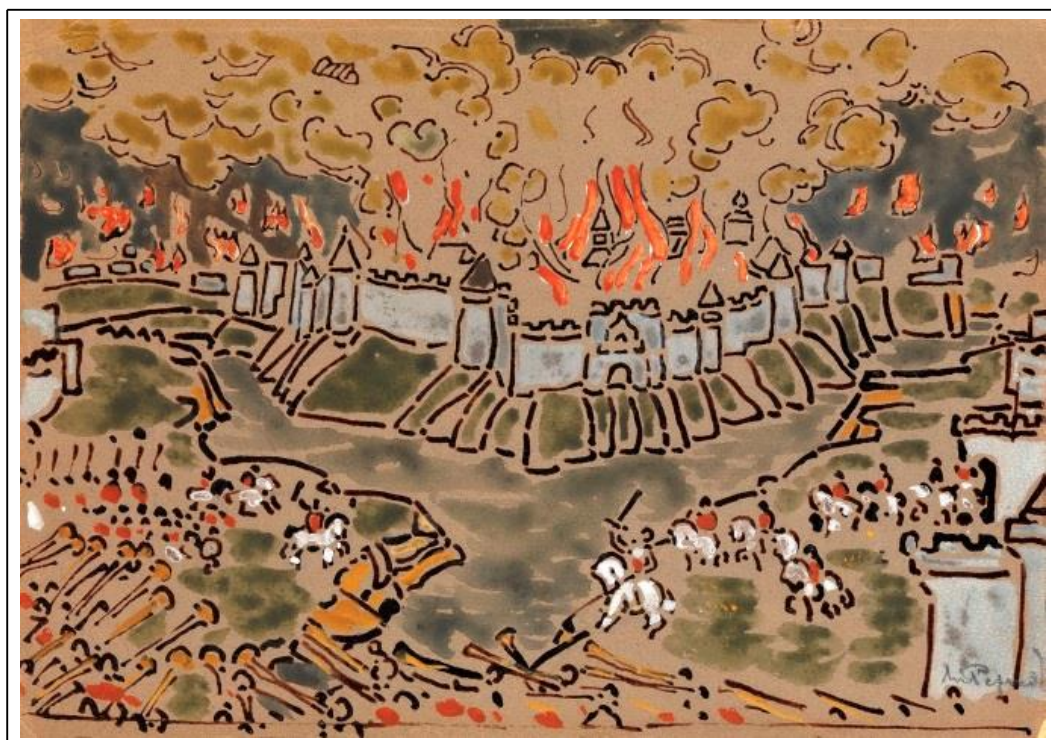

Н.К. Рерих. Колдуны. 1905.

Н.К. Рерих. Славяне на Днепре. 1905.

Н.К. Рерих. Бой. 1900-е.

АВГУСТ

Н.К. Рерих. Заставка. 1905.
(Журнал «Весы». 1905. № 8)

7 августа 1905 г.

Новые археологические раскопки

Текущим летом произведены очень удачные археологические исследования в Новгородской и Тверской губерниях.

Художником-археологом Н. К. Рерихом найдены превосходные типы кремнёвых орудий и самые разнообразные гончарные поделки и рисунки на кости. В той же местности работал вместе с известным исследователем кн. П. А. Путятиним археолог В. И. Каменский, причём произведены изыскания палеолитического слоя в Бологовской стоянке. Там же производил раскопки и местный домовладелец кн. Ширинский-Шахматов, занятый, по преимуществу, раскопкой курганов.

Слово. 1905. 7/20 августа. № 217.

[Август 1905 г.]

Письмо Н.К. Рериха к Путятину Павлу Арсеньевичу (б/д)

Глубокоуважаемый дорогой Павел Арсеньевич

Очень рад я Вашему отзыву о моих находках этого лета. Конечно, обработать отчёты об этих работах теперь нам сто раскопок за малым временем не удастся. Спешу сообщить Вам хотя бы короткие сведения об условиях моих новых исследований.

В одной только Северной части Вышневолоцкого уезда насчитывается до 240 озер переплетенных реками и ручьями, соединённых часто бывшими плёсами – споховыми болотами. Такова природа нашего очага каменного века!

Условия исследований в озёрной области, как Вы знаете совершенно исключительны. Мало ошибется исследователь, если предположит, что на каждом озере, кроме водохранилищ искусственных, можно найти следы древнейших обитателей. Теперь мои работы охватывают уже систематический район, подходящий к Вашим известным исследованиям в Бологое.

Теперь мне выясняется целый район из девяти больших озёр в уездах Валдайском и Вышневолоцком. Говорю что условия наши исключительные; все эти озера вошли, как водохранилища, в состав системы шлюзов Мстинских и Волжских, устроенных Петром Великим. Вследствие шлюзов реки и озёра далеко выступили за свои прежние границы и размели стоянки каменного века, бывшие на их прежних берегах. Теперь в мелководье по берегам озера на осохших местах и в воде около берега можно находить массу кремнёвых орудий и гончарства, небольшая часть которых <нашита> нами мной на таблицы.

Пока что это лето моя работа была скорее разведочного характера, ибо на большинстве озёр стоянки совершенно размыты, так что можно только собирать вымытые предметы или отрывать из намывного песка, - правильных же культурных наслоений чрезвычайно трудно найти, кроме Кафтино и Пироса - эта раскопка описана мною в последней книжке издания Императорского Арх. общества. Случайностями намыва можно объяснить и полное смещение предметов очень древних смешанных течением воды с последними ступенями неолита. Не вдаюсь в описание таблицы с предметами.

Среди вещей и типов довольно известно по Вашим разведкам есть как видите орудия формы довольно новой и в России мало известной. Таковы три изображения человечески лично нами найденных, похожие на находки Графа Уварова и г-на Кудрявцева, предметы с <...> два наконечника стрел, нигде мною не встреченные штампы для гончарных узоров (по справедливому замечанию Вашего сотрудника Г. Каменского, и т.д. Гончарство представляет хороший подбор резных комбинаций и орнаментов.

Систематическую раскопку удалось произвести около озера Кафтина в Кафтинском городке. Городок единственное место по высоте на расстоянии почти 50 верст расположен на пологом мысу в 50 - 150 шагах от озера. Возвышенность городка длиною в 120 арш.(кроме боковых скатов) и вышиною до 7 сажень.

Боковые скаты настолько круты, что даже теперь трудно выйти наверх. На пашне около подножия горы можно находить массу оббитых кремней и грубых орудий, свалившихся с крутизны городка. Вся площадь городка была обследована пробными ямами и траншеями. При этом выяснилось, что культурный слой совершенно сполз с вершины по южному боковому склону, образовав в середине ската толщину чёрного пласта до 2 арш. толщиной. Ближе к подножию горы были найдены металлические орудия (железо и бронза), ближе к вершине и в середине ската были находимы кости, гончарство и кремни. Всё лежало в беспорядке и давало страшную картину перемещения древнейших, хорошо патинированных кремней и костей с остатками железа и бронзы. Но всё становилось ясным, если вспомним, что нижние пласты с вершины при оползании почти вполне перемешались с позднейшими и могли оказываться почти наверху. Это тем более интересно, что многие из почтенных французских учёных проводили мысль, что уже изготовленные в палеолитический период орудия могли употребляться в течение неолитического периода. Смесь же культур поли- и неолитной в одной стоянке может объяс-

няться, что местные удобные условия по рыбной ловле, защите и пр. заставляли древних селиться на тех же выгодных стоянках.

Слой чёрный отличался компактностью, маркостью и был насыщен угольками. Предметы находились случайно в разной глубине слоя от поверхности на $\frac{1}{2}$ - $\frac{1}{2}$ арш. Разбитые сосуды лежали частями далеко разъединёнными. На противоположном скате культурный слой был не толще 4-5 вершков и, кроме костей без обделки и отдельных частей сосудов, ничего найдено не было. Я очень сожалею, что по краткости времени я не могу представить конгрессу большее количество вещей, которые ещё уложены в ящиках и не могут быть так скоро ~~вымыты~~, разобраны и нашиты. У меня остаётся ещё масса отдельных экземпляров.

Характеристику предметов я полагаю на Ваше внимание и огромный Ваш опыт, - у меня же здесь в деревне на раскопке не имеется никаких источников и сравнительных данных. И если я решил представить конгрессу мои новые находки, то исключительно благодаря Вашему личному отзыву, тем более, что среди находок есть несомненные новинки для России. При этом посылаю Вам мою брошюру о курганах каменного века. Об этой брошюре был отзыв в *Anthropologie* и в *Zeitschrift für Ethnologie*, так что всякий скептицизм по поводу этой находки делается излишним. Прилагаю при сём схему найденных красок.

Пользуюсь случаем принести моё искреннее приветствие Доисторическому конгрессу, быть на котором мне мешают мои спешные занятия художественные¹.

Искренно Вам преданный и сердечно любящий

Н. Перих

Не могу не прибавить ещё переданный мне местный обычай, доживший почти до нашего времени: в деревнях изготовлялись особые конические горшки с ямчатым орнаментом и разбивали на берегу озера при смерти кого-нибудь из домашних.

Интересный и вероятно древний обычай.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/121, 2 л.

---

¹ «В 1905 году на юге Франции в городе Перигё проходил международный Доисторический конгресс. Николай Константинович не смог лично в нем участвовать, но представил на конгресс коллекцию предметов каменного века, собранную им в основном при раскопках около озер Мстино и Кафтино. Она насчитывала полторы тысячи экземпляров. Во Францию коллекцию привез Михаил Павлович Путятин, а представил конгрессу и прочитал сопроводительное письмо Н.К.Периха Павел Арсеньевич Путятин, который привез и свою археологическую коллекцию. Предметы каменного века, найденные в результате археологических исследований в России, впервые демонстрировались перед учеными всего мира. Их очень заинтересовали коллекции Н.К.Периха и П.А. Путьятина. Коллекции получили высокую оценку на страницах выходившего в Париже авторитетного археологического издания «Антропология»: «Князь засвидетельствовал Конгрессу свою несомненную симпатию, привезя из своей далёкой страны великолепную коллекцию, собранную на берегу озера. В ней представлены кремневые орудия самых различных форм и редкостного совершенства; многие отмечают, что они напоминают образцы из долины Нила, некоторые выполнены в форме силуэтов животных. Имеются также очень оригинальная подвеска и гончарные изделия эпохи неолита с любопытными орнаментами в виде отпечатков» - ред.

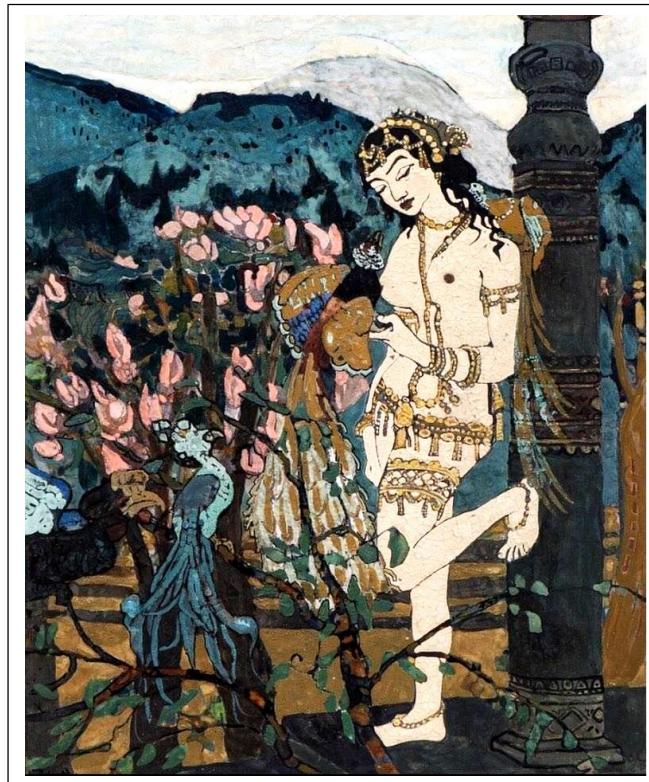
ИНДИЯ

Из воспоминаний Н.К. Рериха:

«От самого детства наметилась связь с Индией. Наше имя Извара было признано Тагором как слово санскритское. По соседству от нас во времена Екатерининские жил какой-то индусский раджа и до последнего времени оставались следы могольского парка. Была у нас старая картина, изображавшая какую-то величественную гору и всегда особенно привлекавшая моё внимание. Только впоследствии из книги Брайан-Ходсона я узнал, что это была знаменитая Канченджунга. Дядя Елены Ивановны в середине прошлого столетия отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджпутском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нём не слыхали.

Уже с 1905 года многие картины и очерки были посвящены Индии. «Девассари», «Лакшми» (в «Весах»), «Индийский путь» (по поводу поездки Голубева), «Граница царства», «Кришна», «Сны Индии» — всё это было написано еще до поездки в Индию, так же, как «Гайятри» и «Города Пустынные» (Н.К. Рерих, 1937.)

ДЕВАССАРИ АБУНТУ

Девассари Абунту с птицами. 1905.

Так поют про Девассари Абунту.

Знала Абунту, что сказал Будда про женщин Ананде, и уходила она от мужей, а тем самым и от жён, ибо, где мужи, там и жёны. И ходила Абунту по долинам Рамны и Сокки и в темноте только приходила в храм. И даже жрецы мало видели и знали её. Так не искушала Абунту слов Будды.

И вот сделалось землетрясение. Все люди побежали, а жрецы наговорили, что боги разгневались. И запрятались все в погребках и пещерах, и стало землетрясение ещё сильнее, и все были задавлены. И правда, удары в земле были ужасны. Горы тряслись. Стены построек сыпались и даже самые крепкие развалились. Деревья поломались, и, чего больше, реки побежали по новым местам.

Одна только Девассари Абунту осталась в доме и не боялась того, что должно быть. Она знала, что вечному Богу гнев недоступен, и всё должно быть так, как оно есть. И осталась Девассари Абунту на пустом месте, без людей.

Люди не пришли больше в те места. Звери не все вернулись. Одни птицы прилетели к старым гнёздам. Научилась понимать птиц Девассари Абунту. И ушла она в тех же нарядах, как вышла в долину, без времени, не зная места, где живёт она. Утром к старому храму собирались к ней птицы и говорили ей разное про умерших людей, части которых носились в воздухе. И знала Абунту многое занимательное, завершённое смертью, неизвестное людьми.

Если солнце светило очень жарко, летали над Девассари белые павы, и хвосты их сверкали, и бросали тень, и трепетаньем нагоняли прохладу. Страшные другим, грифы и целебесы ночью сидели вокруг спящей и хранили её. Золотые фазаны несли лесные плоды и вкусные корни. Только не знаем, а служили Абунту и другие птицы - все птицы.

И Девассари Абунту не нуждалась в людях. Всё было ей вместо людей: и птицы, и камни, и травы, и все части жизни. Одна она не была. И вот слушайте изумительное: Абунту не изменилась телом, и нрав её оставался всё тот же. В ней гнева не было; она жила и не разрушалась.

Только утром рано прилетели к Девассари лучшие птицы и сказали ей, что уже довольно жила она и время теперь умереть. И пошла Абунту искать камень смерти. И вот приходит в пустыню, и лежат на ней многие камни, тёмные. И ходила между ними Абунту, и просила их принять её тело. И поклонилась до земли. И так осталась в поклоне, и сделалась камнем.

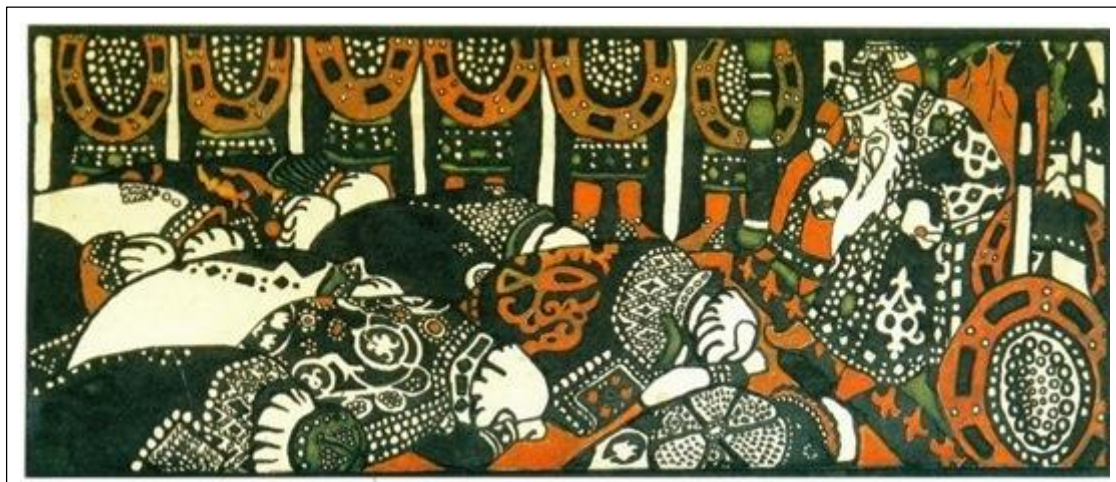
Стоит в **пустыне чёрный камень, полный синего огня**. И никто не знает про Девассари Абунту.

Н.К. Рерих. Девассари Абунту превращается в камень. 1905.

Весы. 1905. Август. № 8. С. 3-43; на обл. воспроизведён рисунок Н.К. Рериха «Царь»; перед с. 3 – цв. илл. «Девассари с птицами»; с. 4 – цв. илл. «Девассари превращается в камень».

СЕНТЯБРЬ

Н.К. Рерих. Царь. 1905.
(Воспроизведено на обложке журнала «Весы» № 8, 1905 г.)

1 сентября 1905 г.

Художественные новости

К Рождеству выходит издание произведений художественно-ремесленных мастерских известной меценатки кн. М. К. Тенишевой.

Издание это принадлежит недавно образовавшемуся симпатичному обществу «Содружество».

Вступление к нему будет писать Н. К. Рерих, текст - С. К. Маковский, а художественная часть будет исполнена гг. Билибиным, Замирайло г-жой Линдеман.

Р..

Петербургская газета. 1905. 1 сентября. №231. Четверг. С. 2.

2 сентября 1905 г.

Эскизы и кроки

Был в Таврическом дворце на исторической выставке портретов. Чудная, можно сказать, восхитительная выставка, а публика упорно на неё не ходит... Чем объяснить это?

- У нас вообще устраивать художественные выставки не имеет смысла, - сказал мне по этому поводу секретарь Общества поощрения художеств, известный художник Н. К. Рерих.

- Почему?

- У нас слишком ничтожен контингент публики, интересующейся живописью и посещающей художественные выставки...

Я считал, что на весь Петербург найдётся не более 10 000 человек, посещающих выставки картин.

Нет, так сказать, художественной почвы, на которую можно бы опереться такому делу.

Между тем, такая выставка, как историческая, требует десятки тысяч посетителей, чтобы только оправдать расходы, которые на неё произведены.

Остаётся только пожалеть г. Дягилева, колоссальные труды которого пропадают даром...

Тот же г. Рерих, со слов лица, приехавшего на днях из Гельсингфорса, передаёт, что финляндские художники очень недовольны своими русскими коллегами.

Финляндские художники никак не ожидали встретить со стороны русских такое равнодушие к похоронам их Эдельфельдта, этого выдающегося мастера, получившего первоначальное образование в петербургской Академии художеств. Русские художники, впрочем, заслуживают «снисхождения»: следует иметь в виду, что Эдельфельт умер летом, когда из Петербурга все разъехались.

Петербургский обозреватель

Петербургская газета. 1905. 2 сентября. № 232. Пятница. С. 3.

4 сентября 1905 г.

Японская выставка

Вчера мы узнали новость: в октябре месяце, в залах Общества поощрения художеств предполагается открыть грандиозную японскую выставку...

Устроителем её называют известного знатока Дальнего Востока, полковника С. Н. Китаева, однажды, лет десять назад, уже познакомившего петербуржцев в залах Академии художеств с образцами японского искусства.

Ныне С. Н. Китаеву явилась мысль повторить эту выставку, однако, дополнив её многими новыми предметами японской художественной промышленности.

Более подробно об этой, безусловно, злободневной выставке нам сообщили в Обществе поощрения художеств следующее. Главное внимание будет уделено картинам известных японских художников; таковых будет 250 №№.

Наряду с картинами будут фигурировать несколько сот этюдов тех же художников.

Далее большой интерес представит огромная коллекция крайне оригинальных цветных гравюр, иллюстрирующих мифологию, историю и литературу Японии. Этих гравюр наберётся несколько тысяч.

Наконец, будет выставлено 1 300 штук художественно-исполненных, раскрашенных, больших размеров фотографий, рисующих быт страны «восходящего солнца»... Вся эта обширная коллекция, составляющая плод долгого пребывания полковника С. Н. Китаева в Японии и вывезенная им оттуда, составляет собственность его жены...

- Представляют ли из себя японские художники что-нибудь особенное? - спросили мы секретаря Общества поощрения художеств Н. К. Рериха, - они, кажется, крайне своеобразны...

- В этом действительно состоит их особенность.

У нас принято считать японцев условными, но, по правде говоря, не они условны, а мы сами.

В японских художниках много непосредственности...

И это понятно: они гораздо ближе нас к природе и поэтому вернее воспроизводят её...

Они постоянно живут на солнце, а мы любуемся солнцем только на стрелке, да и то, став к нему спиной...

- Но если японские художники так хороши, почему же они так сравнительно мало популярны?

Потому что масса смотрит на природу фальшиво, заранее представляя себе в известном, шаблонном виде.

Но попробуйте на секунду отделаться от представления себе природы в установленной форме, и вы увидите её такой, какой её изображают японские художники...

Однажды один художник предложил своему знакомому внимательно всмотреться в воду...

- Что вы видите? — спросил он его.

- Воду, - ответил тот...

- Всмотритесь ещё, непосредственнее.

Теперь?

- Теперь я вижу не воду, а точно ковёр...

Вот в виде таких «ковров» и изображают японцы природу, будучи в этом отношении очень близки к импрессионистам, и если нам такая живопись кажется странной, то потому, что мы не в состоянии отделаться от условности, мешающей смотреть на предметы трезво.

Японская выставка устраивается, по словам г. Рериха, отчасти в пользу вдов и сирот погибших в эту войну матросов, которым будет отдана половина входной платы.

Петербургская газета. 1905. 4 сентября. № 234. Воскресенье. С. 3.

16 сентября 1905 г.

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ И АВТОНОМИЯ

Реформа высшей школы, произведшая коренную ломку бюрократического строя наших высших школ, совершенно не затронула такого учебного заведения, как Высшее художественное училище при Академии художеств.

Несмотря на общую забастовку в прошлом академическом году всех учащихся в училище Академии художеств, положительных результатов в виде, например, автономного управления Художественная школа не получила.

Теперь, когда и другие высшие школы, также обойдённые «временными правилами», возбудили и продолжают возбуждать соответствующие ходатайства о распространении автономии и на них, естественным является вопрос, нужна ли автономия Высшему художественному училищу при Академии художеств?

Как известно, ученики Академии художеств почти все поголовно стоят за распространение автономных начал на свою alma mater; противоположного взгляда держится часть профессоров.

За разъяснением вопроса, нужна ли Академии автономия, мы обратились к секретарю Императорского Общества поощрения художеств, талантливому художнику Н. К. Рериху.

- Говоря об Академии художеств, - сказал Н. К., - мне меньше всего хочется думать об автономии. Нужна ли она Академии? - Нет, не нужна. Больше любви к искусству, больше занятий чистым искусством - вот что нужно для Академии в настоящую минуту, вот в чём её первая и главная потребность.

Я должен оговориться, что это моё мнение только относительно Академии художеств; как художник я против автономии, но как бывший студент Университета я всецело стою за автономию... но для Университета.

Повторяю, единственное пожелание для Академии - как можно больше занятий искусством, но искусством чистым, без административных и бюрократических придатков.

Пусть, наконец, надпись над Академией: «Свободным художествам» - Перестанет иметь своё двусмысленное значение, перестанет вводить многих в понятное заблуждение.

Кстати сказать, об отношениях самих учеников к своему делу.

Профессор Ционглинский рассказал мне такой случай, который может прекрасно охарактеризовать это отношение.

У одного из довольно талантливых учеников он спросил, почему тот прекратил посещение классов, и получил такой ответ:

«Я уже получил необходимое число первых номеров для перевода в мастерскую, а потому считаю излишним продолжать работу»...

Так говорил человек, посвятивший себя чистому искусству.

Что такому ученику искусство и художественный труд? Что, наконец, он может дать искусству?

Что ему Гекуба?

Это не художник - ему важен диплом, дающий известные права, и больше он знать ничего не хочет.

Я помню, в бытность мою в мастерской А. И. Куинджи мы меньше думали об общих порядках Академии. Ближе стояли вопросы о количестве этюдов, о новых картинах, о летних художественных экскурсиях.

Товарищи по выпуску наверно все помнят тот подъём, при котором писались картины к конкурсной выставке.

Воображаю ужас Архипа Ивановича, если бы ученик ответил ему, как профессору Ционглинскому!

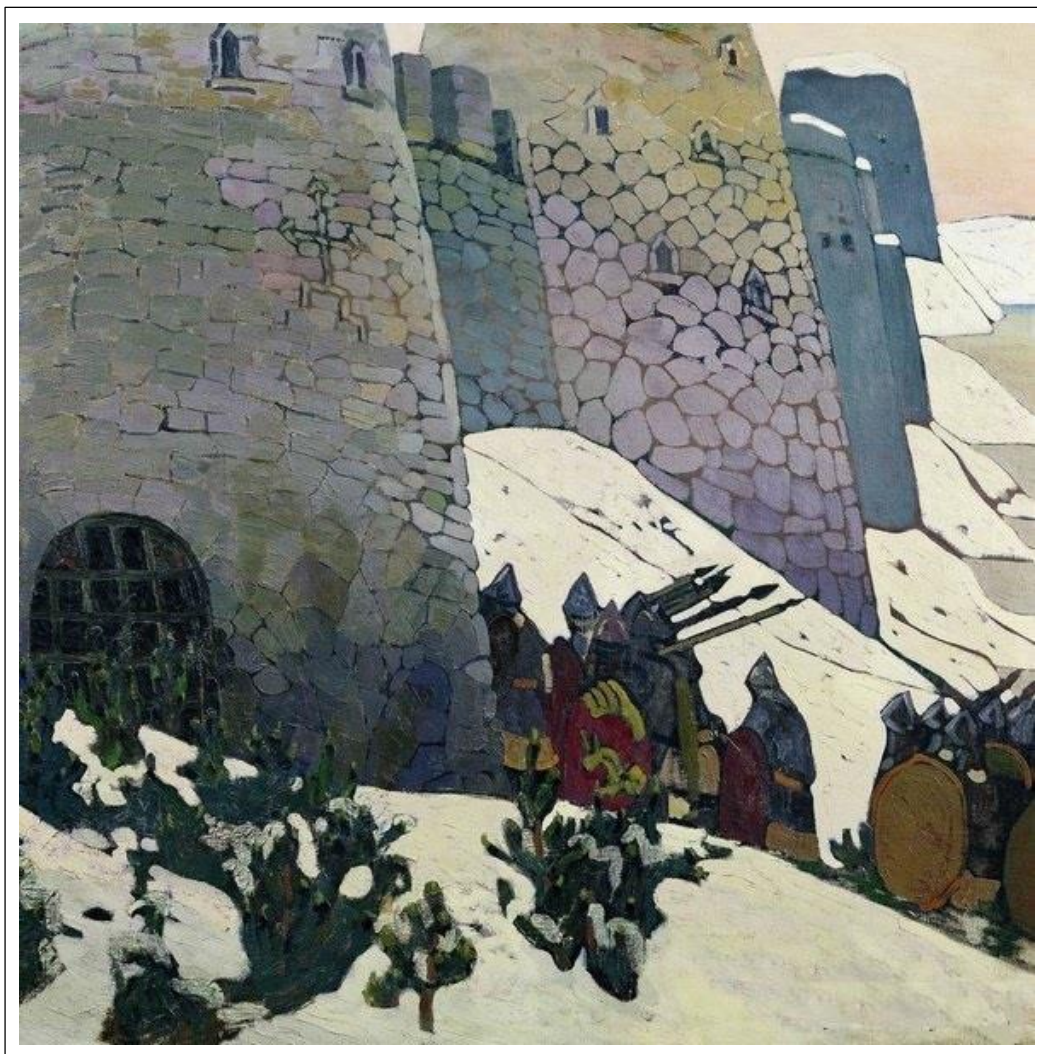
Искусство само по себе автономно: только при условии настоящей личной автономии, а не автономии учреждения, развивалось и процветало искусство.

Ведь всемирная роль, которую сыграли академии для искусства, нам хорошо известен!

Поменьше бюрократии - вот чего нужно требовать ученикам Академии. А таким отношением к делу, как теперь, создаётся такое положение вещей, что выдающиеся художественные события - возьмите, например, портретную выставку - проходят бесследно.

Вот говорят в городе о том, будто в нынешнем году совершенно не будет конкурсной выставки ученических работ при Академии. Я лично этому не верю. Это так невероятно, можно сказать, чудовищно, что буквально не хочется верить...

Я.К.

Н.К. Рерих. Дозор. 1905.

22 сентября 1905 г.

ОКОЛО ИСКУССТВА

В художественных кружках с большой похвалой отзываются о новой картине г. Рериха «Дозор».

Она изображает нечто вроде старинной русской крепости, город окружают высокие мрачные башни.

Люди, закованные в брони, «дозором» ходят, смотрят, всё ли спокойно.

Надвигается вечер. Темнеют предметы. Гаснет дневной свет неба.

От картины веет ароматом величавой старины.

«Дозору» смело можно предсказать большой успех, едва ли не больший, чем тот, какой имело известное полотно «Город строят».

Биржевые ведомости. 1905. 22 сентября / 5 октября. Вечерний выпуск. № 9044.

Н.К. Рерих. Дозор в степи. 1900-е.

22 сентября 1905 г.

Окончание летних археологических раскопок

Вернувшимся недавно в Петербург художником Н. К. Рерихом произведены минувшим летом археологические исследования в Тверской и Новгородской губерниях, причём им найдена масса каменных орудий, изделий из кости, глины и т. п. В этой же местности и в том же направлении работал известный археолог князь Путятин, собравший также богатую археологическую коллекцию для музея, находящегося в его имении.

Новости и биржевая газета. 1905. 22 сентября / 5 октября. № 185. Четверг. С. 3.

23 сентября 1905 г.

Хроника

Выставка союза русских художников в текущем сезоне состоится в залах Императорской Академии художеств. Выставка эта будет очень обширной. Между прочим, небезызвестный художник и археолог Н. К. Рерих выставит около 20 картин; этот художник много времени не экспонировал нигде своих произведений, и предстоящая выставка является результатом его работ за по-

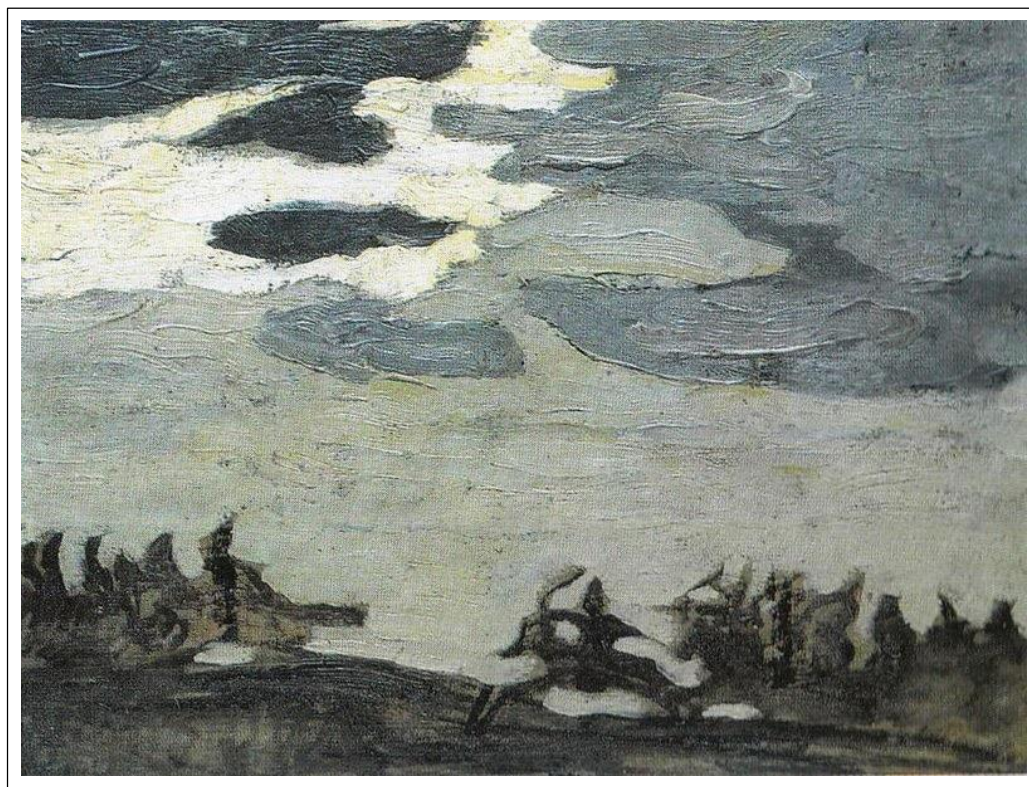
следние годы. Талантливый иллюстратор «Воскресения» художник Л. О. Пастернак впервые выступит на этой выставке как пейзажист. До сих пор были известны лишь одни жанровые его работы.

Русь. 1905 23 сентября / 6 октября. №228. Пятница. С. 4.

«Картины Рериха - сон старины, ещё доисторической, где воскрешаются духовные истоки, в которых рождается раса...»

Н.К. Рерих. Северный этюд. 1905.

Н.К. Рерих. Погоня. 1905.

Н.К. Рерих. Каменный век. 1905.

Н.К. Рерих. Этюд. 1906.

24 сентября 1905 г.

Вернисаж японской выставки

Сегодня, 23 сентября, художники и представители прессы были приглашены для обзора японской выставки, устроенной в залах Императорского Общества поощрения художеств. На осмотре присутствовали профессора академии А. И. Куинджи, Л. Ф. Лагорио, директор Рисовальной школы Общества Е. А. Сабанеев, известный критик В. В. Стасов, художник Н. К. Рерих и мн. др.

Новости и биржевая газета. 1905. 24 сентября / 7 октября. № 187. Суббота. С. 3.

Выставка «Союза русских художников»

В начале января 1906 года в залах Академии художеств откроется выставка «Союза русских художников». Эта выставка будет очень интересной.

В ней примут участие давно не выставлявшие своих произведений художники Н. К. Рерих и К. А. Сомов. Первый художник выставляет около пятидесяти картин и этюдов; большинство из них посвящено исторической живописи, а некоторые по содержанию будут символические. Рерих несколько лет не выставлял и всё это время много работал как над живописью, так и над изучением русской старины, которую он воспроизводит в своих произведениях. Сомов даст на выставку несколько больших работ, иллюстрирующих русскую жизнь XVIII века в садах Петергофа и Павловска. Интересным явится большое полотно известного художника Л. О. Пастернака, изображающее итальянский вид. Пастернак - жанрист, и никогда не выступал ещё с пейзажными работами.

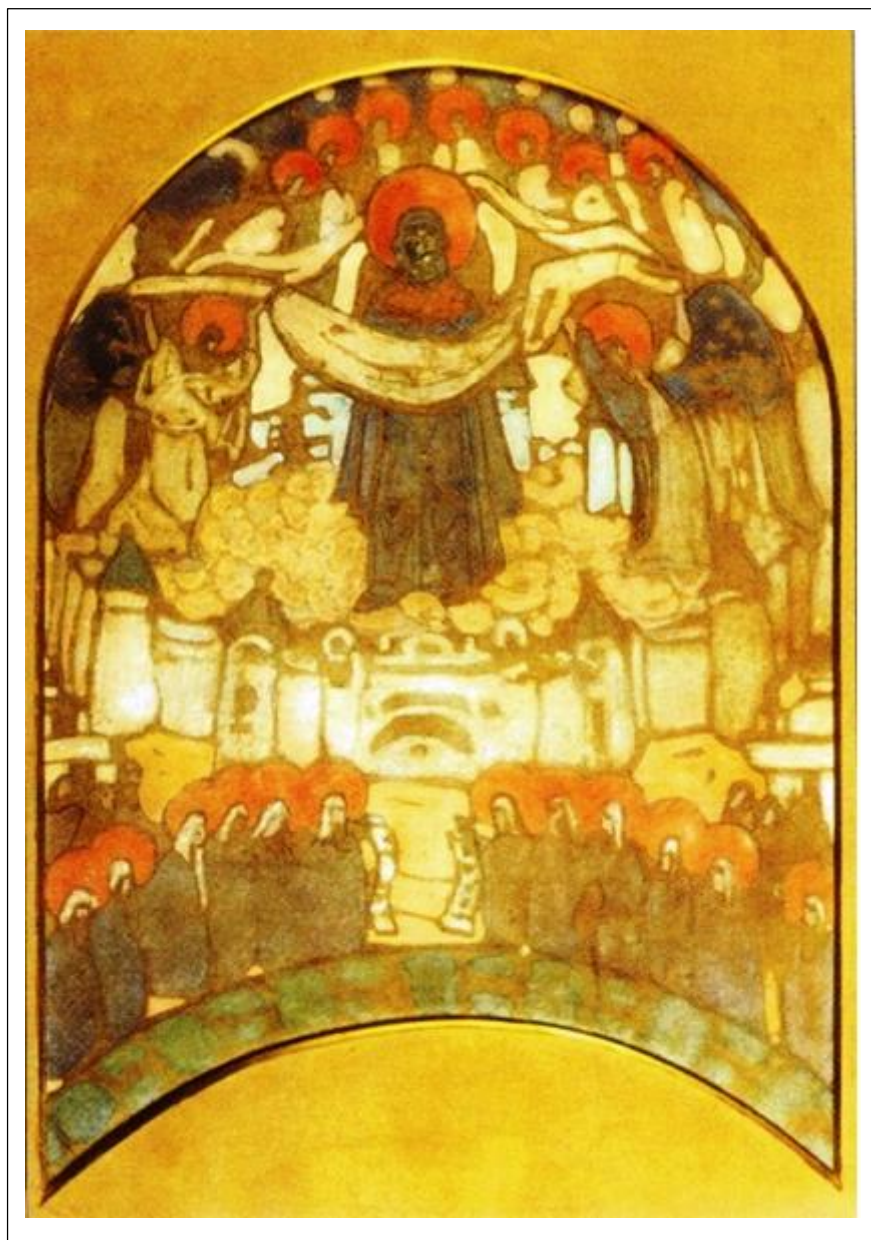
Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 30 сентября / 13 октября. № 235.

29 сентября 1905 г.

Хроника

Художники М.В. Нестеров и Н.К. Рерих в настоящее время работают над целым рядом икон для церкви В.В. Голубева в селе Пархомовка Киевской губернии.

Русь. 1905. 29 сентября / 12 октября. № 234.

Н.К. Рерих. Покров Богородицы. Эскиз для мозаики. 1905.

ОКТАБРЬ.

2 октября 1905 г.

НА ЯПОНСКОЙ ВЫСТАВКЕ

За гранью обычно оформленного слагается особый язык. Несказанное чувствование. Там вспыхивает между нами тайная связь. Там понимаем друг друга неожиданными рунами жизни; начинаем познавать встречное взором, близким вечному чуду.

Чудо жизни победное и страшное! Чудо, заполняющее все глубины природы, подножие вершин бытия! Оно редко выявляется рукой человека.

Египет, Мексика, Индия... - чудно, но не явно. Узоры прекрасные, сверкающие блёстки, но ткань уже истлела. Но живы ещё волокна жизни, сплетённой старыми японцами. Аромат сказки ещё струится над желтеющими листьями, над стальной патиной лаков.

Глазу живому - горизонт необъятный. Сложенное старым японцем учит и поражает. Ослепляющая задорная жизнь: правда великого в малом. Тончайший иероглиф жизни - рисунок, в многообразии подробностей сохранивший полный характер общего. Высшая законность в силе незаконного размаха. Невинность в призраке бесстыдства. Дьявольская убедительность фантастики. Песня чудесных гармоний красок, которая одна только может успокоить наше подстреленное сознание; особенно сейчас.

Вершины Искусства, часто чуждые нам, преобразились в японском Искусстве.

И мы всё-таки далеки от этой волшебной ткани - жизни. Говорю «всё-таки» - в нём и печаль об античном, и горе его сознания; в нём подавленность громадами наших музеев, и гордость нашими исканиями, и ужас закоптелых заслонок нашей жизни...

Все наши пороги Искусства, где мы спотыкаемся, старый японец попирает смело. Аристократизм Искусства, народность, романтизм, символика, сюжетность, историчность, этнография - всё нам и милое и чуждое - всё сочеталось в старом японце, и всё презрено; всё претворилось в красивое.

И это «красивое» — неопасное слово.

Имеет право не обходить таких слов - народ, выходящий весною из города приветствовать пробуждённую природу; народ, каждый день разбирающий свои сокровища - картины; народ, не находящий возможным даже сказать художнику цену художественного произведения. Где, как не в Японии, такое количество собраний Искусства? В какой другой стране настолько почётно назваться собирателем художественных произведений?

И рождённый такую страну художник имеет высокое право веры в себя; и безмерное его трудолюбие, и бесчисленность творений его - не ярмо работы, а незаметные ему самому следы стремительного блестящего порыва.

Правда, только таким необузданным порывом проникновения своим делом могли создаваться и гигантские фигуры богов, и большие панно, широко залитые потоками краски, магически остановленной в границах верных контуров. Только бодрая жизнь могла рассыпать тончайшие графические мелочи; как часто перед ними графики Запада являются грубо преднамеренными! Не обращаясь даже к древности, - лишь в пределах средних веков, — и Восток, и Запад охватывает полоса высокого проникновения действительностью: понимание просветлённости горизонтов, неожиданность расположения фигур, чутьё в украшении книги и рукописи, тогда ещё действительно значительной,

ещё не перешедшей в подавляющий хаос исписанной бумаги нашей современности.

Укоризна старого японца нам страшнее случайных осуждений большинства историй об Искусстве.

О течениях японского Искусства мы можем судить только относительно. Наши мерилы, без сомнения, нечувствительны ко многому, вполне явному в разборе самих японцев. Факты и сведения о Японии, быстро нарастающие, всё-таки не открывают нам многих сторон жизни её Искусства. Борьба «декадента» Хокусая с придворными мастерами нам не убедительна; мы не вполне представляем, в чём тоже красивые предшественники Хокусая враждовали с его вещами.

Мало того, что средних художников Японии мы можем различать лишь формально, мы с трудом можем представить себе картину, как расходились по всем углам страны рисунки и оттиски в блестящем шестивии феодалов от двора Микадо и как подходил народ к этим подаркам.

Одно только ясно: культура Искусства Японии имела прочную почву, и народ принял её, освятив всем строем жизни. Обратное нам, где культура Искусства, непрошенная, врывается в жизнь страны извне, от ненужных народу мечтателей. Будет ли Искусство в России или страна избавится от него, - это будет заботою не многих миллионов народа, но обидно малой кучки людей... Знаю, как такое состояние наше будут оправдывать и объяснять, но положение вещей от того, право, не улучшается.

О старых японцах можно говорить или очень кратко, набросав только резкие, всегда поразительные черты их работы, или придётся сказать не заметкой, а так же подробно, как властно привлекает к себе их многогранная работа. Душа старого японца не вместились на выставке, выставка захватила лишь некоторые блёстки этой души.

Песня - старым японцам. О новых - другое. Неужели и здесь уже работает гильотина европейской культуры?

Всё загрубело: рыцарь и бард умерли, и доспехи их теперь - странные пятна бутафории. Природа всё та же, те же волны вишнёвые, те же бездны акаций, пионов, тюльпанов, но доступ их к сердцу закрыт; творец стал механиком. Грубеют тона и рисунок.

Гений обобщения рассыпался спорными пятнами и мелкими линиями. И нет новым японцам оправдания в том, что их лубки безмерно выше мерзости, распространяемой в народе у нас. Мы - не пример. Но придётся новому японцу ответить суду истории за японский зал на прошлой всемирной выставке Парижа. Японцы - парижские неоимпрессионисты! Какая жестокая нелепость.

Такого нового не надо. О нём не хочу говорить.

Теперь японцы скупают обратно многие сокровища свои. Хочу, чтобы это было не историческое достоинство, не собирательство; чтобы это было пробуждение старой мощи Искусства. Хочу, но могу ли желать?

Н. Рерих

2 октября, 1905 г.

*Золотое руно. 1906. Январь. № 1. С. 111-114. [Текст на русском и французском языках].
См. также: Японцы (Собр. соч. кн. 1. 1914.)*

4 октября 1905 г. Вена.
Письмо С.К. Маковского к Н.К. Рериху

4 Okt. 1905 г.
Wien

Дорогой Николай Константинович!

Получили ли моё последнее письмо из St Maurice"а? Боюсь, что оно уже не застало Вас в «Берёзках».

Послезавтра выезжаю в Россию. Сначала в Полтавскую губернию (гор. Гадяч, имение Осиповых: «Красный Куть» - там жду от Вас вестей), потом – на несколько дней к В.В. Голубеву в Пархомовку. Очень жаль, что Вы не можете в это время оставить Петербург. Но надеюсь, что в другой раз наше trio осуществится «в стране Вакулы и <М...>».

В Вене с большой добросовестностью знакомилась с «новым» художественным движением: зимой буду писать о нём. Но, сознаюсь, «Тороватый» несколько смущает меня – не отвечает ни на посылки рукописей, ни на письма. С нетерпением жду известий от Вас: уж не вылетело ли «Искусство» в трубу? Уж не пристроился ли в нём Бенуа?

Напишите мне и относительно плана издания путешествия Грабаря. Он недавно заезжал к моей сестре и нарасказал ей чудеса про наше «возрождение» - политическое и всяческое. Я что-то, по-прежнему, в него не верю (в «возрождение» - кстати, и в Грабаря!) «Напасти» на России какие-то трагикомические. Но всё же миф заявлен. Это великое счастье. И это должно отразиться и на «Содружестве». Я начинаю снова возвращаться к идее о выставке нашей. Подумайте, какая масса всякого люда «найдёт» к нам к первым заседаниям «Думы»! Хоть малюсенькую выставку, а устроить надо. Буду в этом смысле говорить с Голубевым и я этих ««приспешников»» непременно подкую!

Получил ещё от Лидина фотографии. Положительно, какой-то рог изобилия. Пора выпустить издание, даже если ему суждено быть надгробным памятником. К новому году (м. б. ко времени выставки Сола?) можно будет выпустить книгу. Ведь теперь остались только последние цинкограф. клише и набор текста. Это – пустяки.

Как вышли цветные клише? Что Замирайло?!?! Ради Бога, «отпустите» его. Не решил ли он нас надуть? – За все «тридцать серебряников»?

Крепко жму Вашу руку, дорогой мой Николай Константинович, и радуюсь мысли, что скоро увижусь с Вами и поговорю обо всём от души.

Сердечный привет мой – Вашей жене.

Искренне Ваш преданный

Серг. Маковский

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/942, 2 л.

12 октября 1905.

ИСКУССТВО И ХУДОЖНИКИ

Вышел двенадцатый номер благотворительного журнала «Открытое письмо», редактируемого Ф.Г. Беренштамом. Номер посвящён художнику Н.К. Рериху. Помещены его портрет с автографом, репродукции с некоторых вещей и биография, написанная О. Базанкур.

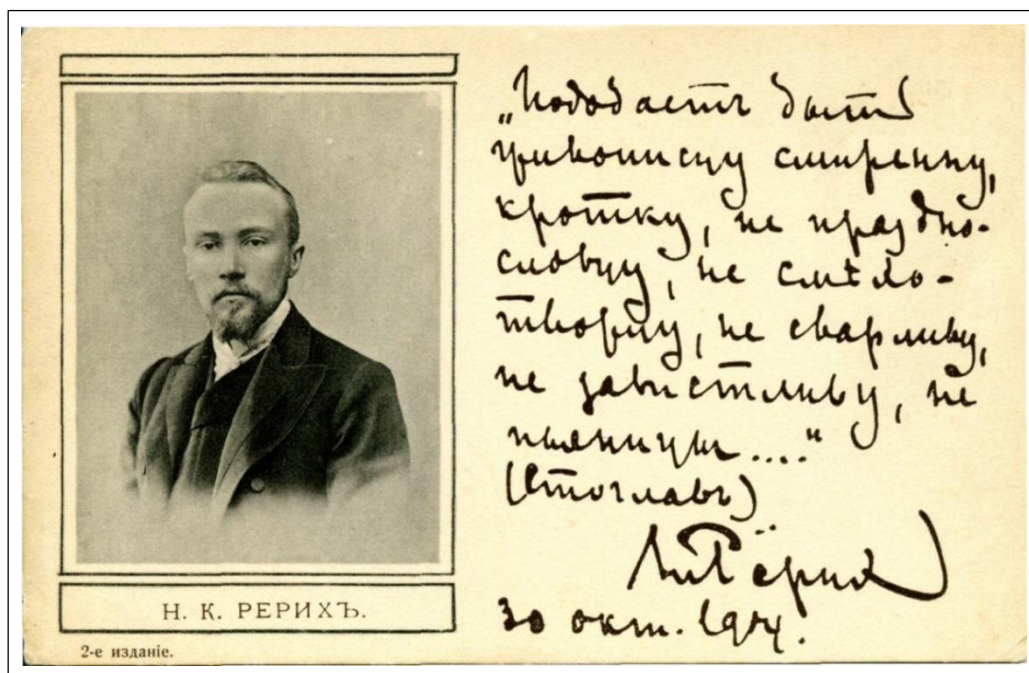
Заслуживает внимания злободневная открытка, изображающая бой между древними русскими богатырями и благородными японскими самураями. Заслуживают внимания виды Углича и памятники архитектурной старины – область, в которой талантливый художник обнаруживает весьма тонкое проникновение духом эпохи.

Автограф Рериха заключает несколько любопытных строк из Стоглава.

«Подобает быть живописцу смиренну, кротку, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьянице»...

С удовольствием замечаешь стремление журнала посвящать отдельные номера творчеству наших выдающихся художников.

Биржевые ведомости. 1905. 12/25 октября. Утренний выпуск. № 9071. С. 5.

МАНИФЕСТ 17 октября 1905 г.

Высочайший манифест.

Божьей милостью МЫ, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем НАШИМ верноподданным:

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи НАШЕЙ великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце НАШЕ. Благо Российского ГОСУДАРЯ неразрывно с благом народным и печаль народная ЕГО печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству Державы НАШЕЙ.

Великий обет Царского служения повелевает НАМ всеми силами разума и власти НАШЕЙ стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, МЫ, для успешного выполнения общих намечаемых НАМИ к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего Правительства.

На обязанность Правительства возлагаем МЫ выполнение непреклонной НАШЕЙ воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив этим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

и 3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выбранным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от НАС властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению этой неслыханной смуты и вместе с НАМИ напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

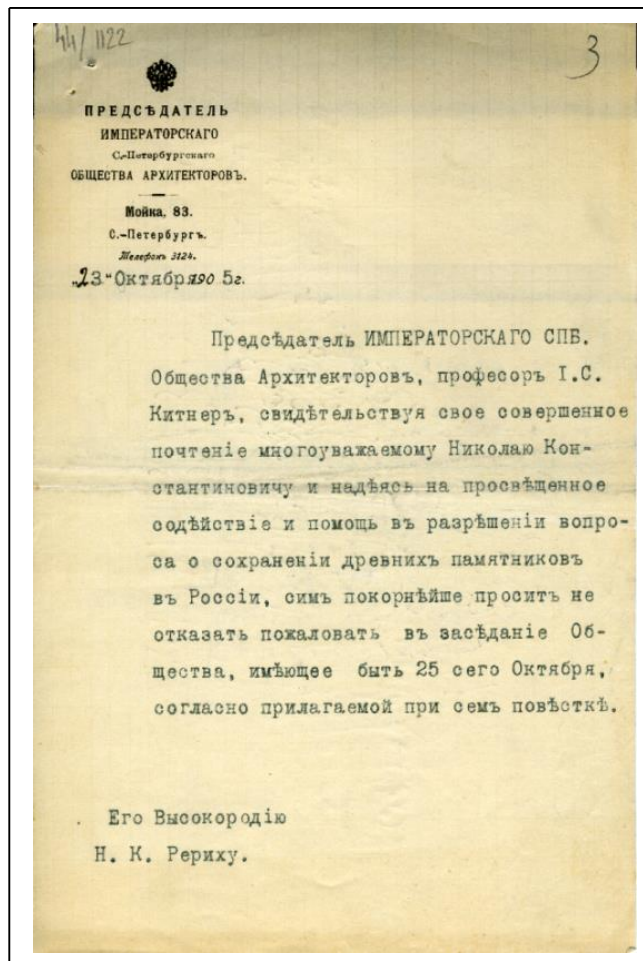
Дан в Петергофе в 17 день Октября, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, Царствование же НАШЕГО в одиннадцатое.

На подданном Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«НИКОЛАЙ»

23 октября 1905 г.

Приглашение Н.К. Рериху на заседание Общества архитекторов.

Председатель ИМПЕРАТОРСКАГО СПб. Общества Архитекторов, профессор И.С. Китнер, свидетельствуя своё совершенное почтение многоуважаемому Николаю Константиновичу, и надеясь на просвещённое содействие и помощь в разрешении вопроса о сохранении древних памятников в России, сим покорнейше просит не отказать пожаловать в заседание Общества, имеющее быть 25 сего Октября, согласно прилагаемой при сем повестке.

Его высокоородию
Н.К. Рериху.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1122, л. 32.

23 октября 1905.

Л. Ростиславов

Васнецов и японцы

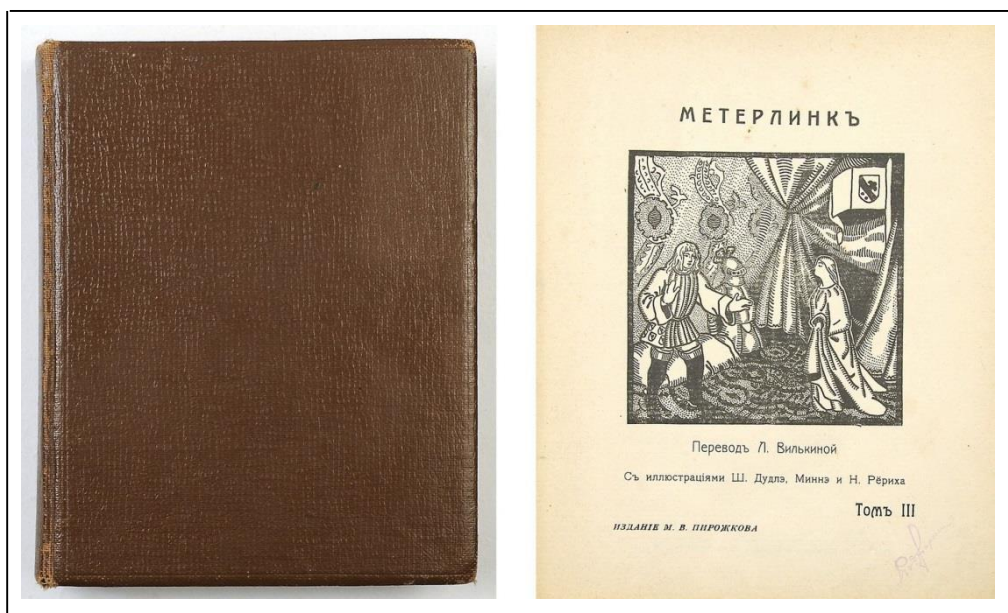
Казалось бы, странное для многих, может быть, даже обидное сопоставление. Культ Васнецова очень велик: он всё ещё для многих выразитель «религиозных идеалов и верований русского народа», «гениальный» русский художник. С другой стороны, японская живопись, несмотря на её общепризнанную огромную художественность, на несомненность её крупнейшего влияния на всё современное европейское искусство, многим кажется малоинтересной, бессодержательной, чуть ли даже не примитивной. Многим кажется даже странным сравнивать вообще скромные японские «какемоно» с нашими махинами в золотых рамах.

Увы! Заслуга Васнецова очень крупна, но и падение его, вернее, ярко теперь сказавшееся основное недоразумение его художества, также очень крупно. Васнецов дал почувствовать новую интересную область в русской живописи, дал толчок, открыл глаза русским художникам и публике, но сам остался бессилён, несмотря на всю талантливость. Он не только не пошёл дальше в своих религиозных картинах после Владимирского собора, но несомненно пошёл назад. То, что Васнецов дал почувствовать, сказалося гораздо ярче у Врубеля в его Кирилловских фресках, сказывается в новейших работах Рериха, даже в гораздо менее известных художников, посвятивших себя иконописанию. ...

Театр и искусство. 1905. 23 октября. № 42-43.

ХРОНИКА

Об иллюстрациях к Метерлинку...

О книгах

М. Метерлинк. Сочинения в 3 томах, в переводе Л. Вилькиной. С рисунками художника Н. К. Рериха. С предисловиями Н. Минского, З. Венгеровой и В. Розанова. Том I. Изд. М. Пирожкова. Спб. 2 р.

«Ещё один перевод Метерлинка... (Много их на «русском книжном рынке»!). Перевести Метерлинка и очень легко, и очень трудно. Легко - потому, что стиль его очень прост, строение фраз примитивно и достаточно самого поверхностного знания французского языка, чтобы всё передать верно, «без ошибок». Трудно — потому, что в простом стиле Метерлинка есть своеобразный, единственный, только ему одному присущий ритм речи. Уловить этот ритм и воспроизвести его по-русски не удалось до сих пор ещё ни одному из переводчиков Метерлинка. Сам Метерлинк говорил о своих драмах: «Они написаны *стихами* и только напечатаны как проза». Г-жа Вилькина перевела драмы Метерлинка *прозой* — вот самое существенное, что можно сказать о переводе».

<...>

Пентаур

Весы. 1906. № 10. Октябрь. С. 66-67.

В конце монографии Сергея Эрнста «Н.К. Рерих», 1918 г. С. 116. приводится список работ Н.К. Рериха:

1905 г. Иллюстрации к Метерлинку:

Принцесса Мален, действие 1, сцена 1.

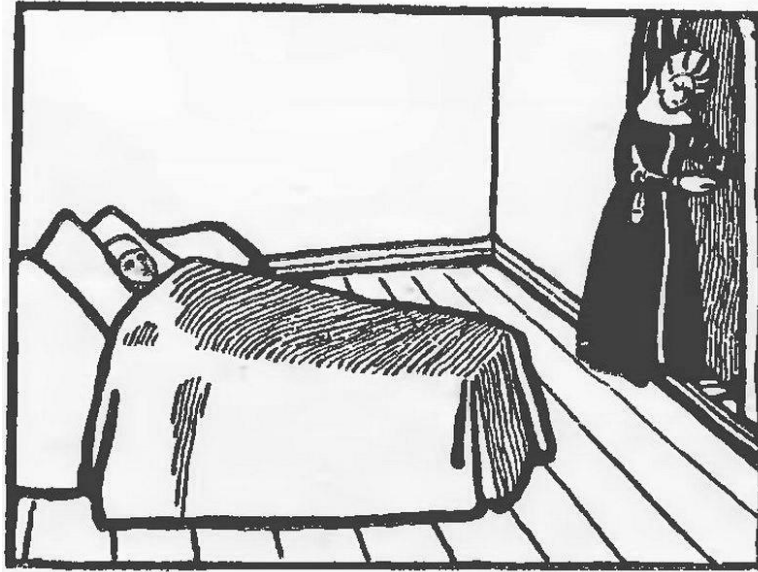

Принцесса Мален, действие 2, сцена 3.

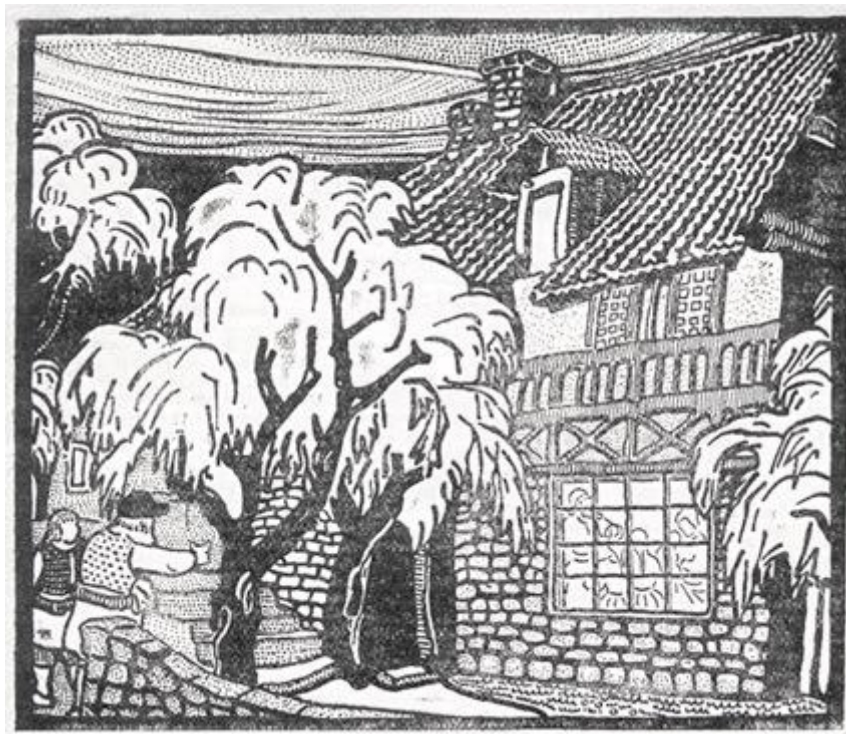

Слепые, рис. (в собр. Е.И. Рерих).

«Старинный северный лес первобытного вида под глубоким небом, покрытым звёздами. Посредине сидит весьма старый священник, закутанный в широкий чёрный плащ. ... Справа шесть слепых стариков сидят на камнях, пнях и мёртвых листьях... Слева, отделённые от стартиков деревом с обнажёнными корнями и обломками скалы, сидят лицом к ним шесть женщин, также слепых...»

Непрошенная гостья.

За стенами дома

«Старый сад, усаженный ивами. В глубине дом. Три окна первого этажа освещены. Довольно явственно видно семью, собравшуюся при свете лампы. Отец сидит у камелька. Мать облокотилась на стол и смотрит в пустоту. Две молодые девушки в белом вышивают, мечтают и улыбаются спокойствию комнаты. Ребёнок дремлет, склоняясь головою на левую руку матери. Когда кто-нибудь из них встанёт, ходит или шевелится, кажется, что эти движения важны, медлительны и редки, как бы одухотворены расстоянием, светом и неясной дымкой оконных стекол. Старик и чужой осторожно входят в сад».

Смерть Тентажиля,

Семь Принцесс, рис., (в собр. Б.Н. Рериха).

Сестра Беатриса.

Алладина и Паломид, действие 2, сцена 2.

Пеллеас и Мелисанда.

Аглавена и Селизетта, действие 4, сцена 7.

Арианна и Синяя Борода. *рис.*

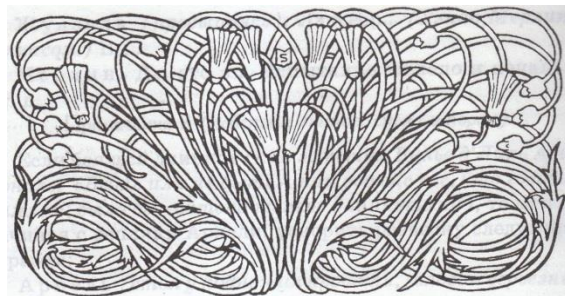

Монна Ванна, действие 2.

Жуазель.

Три заставки.

НОЯБРЬ

Почтовый ящик

В «Новом времени» от 30 октября сообщается, что помощником хранителя музея Императорской Академии художеств назначен как-то учитель Коммерческого училища. Правда ли это? Правда ли, что участи е лица, назначенного в музей Академии, в искусстве ограничивалось родственными связями с бывшим хранителем музея г. Соколовым? Про Академию художеств сообщаются последнее время самые невероятные вещи; не вымысел ли сообщение о новом глумлении над бедным музеем Академии?

30 октября в «Руси» сообщается о том, что часто вещи, приобретаемые в музей Академии (картина Левитана. офорты Цорна0. остаются в частных помещениях служащих Академии. неужели и это правда?

Н. Рерих

Старые годы. 1907. Ноябрь. № 11. С. 603.

11 ноября 1905 г.

Новый художественный журнал

На днях начнёт выходить в свет новый художественный журнал в виде толстых ежемесячников с самостоятельными отделами: литературным, философским, критическим, политическим и художественным. Состав новой редакции формируется из членов редакций «Нового пути», «Права», «Вопросов философии», «Весов» и т.д. Художественным отделом заведует кружок молодых художников и художественных деятелей – Н.К. Рерих, С. Маковский, Ю. Озаровский и друг.

Санкт-Петербургские новости. 1905. 11/24 ноября. № 258.

12 ноября 1905 г.

ГОЛОС ХУДОЖНИКОВ

Сегодня гг. Добужинский, Сомов, Бенуа и Лансере сказали не новое, но глубоко уместное слово. Такие старые слова, правда, надо твердить без устали. Пусть сбудутся эти светлые пожелания, выросшие на страницах лучших художественных изданий, вынесенные искреннею болью художников.

Страшно послушать учеников Академии, горестно заглянуть в обездоленную красоту нашей древности. Академия, школы, музеи, древности и молодое... сколько приходилось кричать об ужасах жизни нашего искусства. Терялась вера, чтобы эти пролетавшие слова могли сделаться опять нужными и значительными в сознании государства.

«Обеднели мы красотю», писалось много раз.

Жизнь, теперь закрытая перед нами, ведёт великие красоты. Научимся понять их в проникновении культурным строительством без границ и условного.

Николай Рерих

Русь. 1905. 12/2 ноября. № 17.

ОБЕДНЕЛИ МЫ

Обеднели мы красотой. Из жилищ, из утвари, из нас самих, из задач наших ушло все красивое. Крупицы красоты прежних времен странно остаются в нашей жизни и ничто не преобразуют собою. Даже невероятно, но это так. И обсуждать это старо.

Умер, умер великий Пан!

Полные мечтами о красоте являются груды изданий, живут десятилетия; на том же слове и умирают. А самодовольное сознание наше молчит по-прежнему. По-прежнему удивленно-насмешливо обозреваем мы истинные попытки украшения жизни и при случае плохо встречаем беспокойных искателей. Нескончаемо медленно вырастают ряды любителей искусства.

У нас в России.

Говорить так нелегко. Необходимо почувствовать иное – без ужаса сознания, что старая Русь по своему художественному смыслу была ближе нас современному Западу. Необходимо, но можно ли?

Стыдно, в каменном веке лучше понимали значение украшений, их оригинальность, бесконечное разнообразие. Не для нашего безразличия расцвели красоты восточных искусств. Драгоценная струя Возрождения нам не ближе пестрой шумихи. В хранилищах и в собраниях среди омертвелых красивейших форм, и даже не очень давних, приходят грустные мысли. Лучше и не вдумываться в украшения древности... Проще сожалеть далекое, дикое время и кичиться «прогрессом». Сколько нелепого иногда в этом слове! Что же и требовать с нас? Справив тысячелетие своего царства, мы еще не научились достойно почтить даже красоту старины; беречь ее хотя бы по значению историческому, если пути искусства нам непостижимы.

Трудно добиться в России толка в деле старины; новые шаги тяжелы тем непомернее.

Для нас красота – звук пустой, непонятный и стыдный; что-то неподобающее? Не нужна красота там, где живёт великое уныние нашего времени – всевластная пошлость; где пошлостью и видят и чувствуют; где на всё необычное опускаются тысячи рук. Не сказать ли примеры?

Не от столиц ждать красоты. Не от их сиротливых музеев, не от торжищ искусства.

Всё красивое там теперь гость случайный.

В этих истоках грязнится живая вода, а чем она нежданная из тишины и покоя – от самой земли. Вершина и корень. Венец и основа засветят свет красоты на гибель середине.

Нужно дело. Новые шаги, подвиги нужны, как бы затруднены они ни были.

Последнее время и у нас есть попытки пробить свежие родники. И все поновители нашей жизни достойны великой чести. Уже несколько лет наблюдаю такой родник. Как и должно быть в живом деле, в нём нет подневольных путей. Почтена старина лучшим вниманием: в ней найдена живая сила – сила красоты, идущей к новизне и основы которой соткали для кристаллов векового орнамента все царства природы: звери, птицы, камни, цветы... Сколько очаровательных красок, сколько новых неиссякаемых линий!

Украшателю жизни не материала искать: искать чистоту мысли, непосредственность взгляда и проникновения в благородство старых форм.

И далеко должно быть вдохновляемое примером старины от разврата стиля, по близорукости нашей часто называемого «новым».

В роднике – о нём думаю – работают друзья искусства, полные лучшими мыслями.

Приходили к нему и достойнейшие наши художники. И Врубель, тончайший мастер, приходил к нему; были у него и Малютин и Стеллецкий и другие, интересные. Близки ему работы покойных художниц Поленовой и Якунчиковой. Создаёт родник и новые силы; им крепнут и Зиновьев и Бекетов, талантливая молодёжь.

Борщевский, оказавший такую услугу друзьям старины русской своими снимками и так мало отмеченный нашим официальным искусством, нашёл в роднике достойную оценку.

Такое дело радуется.

В Кривичах Смоленских на великом пути в Греки этот родник. Там многое своеобразно. Дело широко открыто всему одарённому, всем хорошим поискам.

Слышатся там речи не только про любимцев минуты, но и про многих других, чьи имена случайно сейчас не на гребне волны. Княгиня Тенишева Мария Клавдиевна стремится истово ставить дело в своём Талашкине под Смоленском. От близости такого центра художества обновляется интерес и к самому старому городу Смоленску.

Покойный Сизов, давний друг Талашкина, всегда отзывчивый и живой, хорошо сказал мне про начало движения. Редактор «Мира Искусства» С.П.Дягилев, сообщая об изделиях мастерских княгини, чутко отметил своё впечатление. «У Талашкина есть будущее», – ещё недавно говорил мне М.В.Нестеров.

Главное: нет в Талашкине тягости заклётого круга. Пусть не избегнуты иные увлечения, даже отвлечения: они всегда в искусстве; но чувствуется, насколько дело гибко, насколько способно принять всё достойное, перебраться в нём и расти.

Искренняя любовь к искусству должна быть, чтобы поднять и установить такое художественное хозяйство. Устройство мастерских, школ и музея сложно и хлопотливо. Такая любовь есть у Марии Клавдиевны. Долгое время она жила в искусстве. Удалось ей уже несколько крупных задач.

В Русском Музее в Петербурге её отдел акварели русской. Только благодаря заботам княгини Музей не остался самодовольно чуждым таким художникам, как Врубель, Сомов и целый ряд превосходных финляндцев. Хорошее собрание; оно постоянно растёт новыми покупками. Но мысль первоначальная была ещё полнее; думалось о целом собрании образцов всей истории акварельной живописи Запада. Думалось и осуществилось уже это, но задача

оказалась не по силам обширна уставу Музея. И распалась мысль о широко сложенном и нужном столице труде.

Первая помогла княгиня появлению «Мира Искусства». Сколько заботы было об удобстве творчества многих художников.

Наконец, теперь окончено собрание великолепного музея художественно-прикладного и этнографического. И опять музей отдается на общее пользование. Радость будет Смоленску. Музей из Талашкина уже перенесён в город. Многие отличные вещи заботливо собраны в нём. Замечательны и шитьё, и резьба, иконы, и скань, и металл. Объединяет их личный вкус, не только буква науки; субъективная основа всегда даёт отпечаток уюта собраниям. Между старинными вещами займут должное место работы новейших мастеров; несравненные уники Лялика, Фаллиза, Галлэ, Колонна, Тиффани и других бесподобных. Конечно, Смоленск уже покосился на дело и предпочёл выгребать песок из-под стен и башен, из-под своего знаменитого ожерелья, но сохранить одну из них для музея – оказалось негодим. Случилось это к добру. Крепче Музею стоять на своём дворе за ясным уставом – обороною от всяких случайностей нашей «культуры».

Без устали поднять столько дел, дорогих искусству, по нашему времени просто небывало; можно только особою склонностью к искусству и многолетней подготовкой. И вот, когда видишь в Талашкине радость и от курганной эмали, и от гребня Лялика, от новейшего образца переплёта, от миниатюры, от лиможей и клуазоннэ, от резного складня, от шитья убора – от самых разных красивых вещей, внутренне радуешься за самое дело.

Значит, оно жизнеспособно.

В Талашкине неожиданно переплелись широкая хозяйственность с произволом художества; усадебный дом – с узорчатыми теремками; старописный устав – с последними речами Запада. Много не примиримо. И в непримиримости этой особый пульс, который выявляет нашу многогранную жизнь.

Этот пульс во всех силах Талашкина. Особый уклад получает и сельскохозяйственная школа, и художественные мастерские. В учениках и молодых мастерах пробуждается пылкий взгляд. На окрестное население, всегда близкое художественному движению Талашкина, ложится вечная печать вечного смысла жизни. Тысячи окрестных работниц и работников идут к Талашкину – для целой округи значение огромное; так протянулась бесконечная паутина лучшего заживления.

У священного очага, вдали от городской заразы, творит народ вновь обдуманые предметы, без рабского угождения, без фабричного клейма, творит любовно и досужно. Снова вспоминаются заветы дедов и красота и прочность старинной работы. В молодёжи зарождаются новые потребности и крепнут ясным примером. Некогда бежать в винную лавку; и без неё верится празднику, когда кругом открывается столько истинно занятного, столько уносящего от будней.

Сам Микула вырывает из земли красоту жизни. Запечатлется красота в укладе деревни и передаётся многим поколениям. Опять все мелочи делания может порвать сознание чистого и хорошего. Опять может открыться многое за всякою тяготою.

Ведь это нам нужно. От большой жизни искусства, от новейших и сильных кружков до захолустья деревни – везде нужна почва желанья и стремленья. А препятствий без числа.

Мечты о ясном подходе к явлениям жизни, рождённым тайнами природы, бессознательно, как природа, красивы и бездонно велики смыслом красоты. Чтобы увидеть, надо омыть глаза чистым искусством, без учений, без границ и условного. Увидевший не вернётся более к обыденному.

Присматриваюсь к Талашкину.

Видно, душевную потребностью, сознанием твердой и прочной почвы двинулось дело талашкинских школ и музея.

После знакомства с творческими путями лучших мастеров всех времён, после юбилейных сроков ученья Рескина, смешно говорить о достоинстве техники при развитом творчестве. Но у нас, где промышленник и художник разъединены так часто; где само соединение этих слов бесконечно слогами и темно значением; у нас, где носящие этот длинный титул множатся, но имена свои в истории искусства почти не заносят, – у нас ещё можно хвалить сознательное творчество в прикладной технике. В этом же можно хвалить и Талашкино. В нём нет таинства строгих авгуров. Все дали искусства видны работникам мастерских. Домовитый очаг, полный внимания к лучшим современным изданиям, к работам новых художников, к трепету спора выставок – всем близок. При выполнении избранного мастерства у всякого ученика составляет своё Святая Святых: альбомы, пробы, копии и сочинения. Этим самым, помимо природных способностей вышивальщиц и резчиков, в работах учеников чувствуется часто творец техники, понимающий и оценивший качества своего материала. Слышат ученики об единении ремёсел и творчества не устно только, но ведут их к этому сознанию и делом. Княгиня сама применяет орнамент в разных материалах, подавая пример. Художники, бывавшие в мастерских, тоже не остаются чуждыми разным производствам. А ученики в работе технической помнят о творчестве. И заметно, что для них работа не бездушна идеалом «без сучка и задоринки», но близко сознательна в самих мелочах и случайностях, повышающих предметы искусства. Работа с натуры ведет их к тому же.

Смягчилась ступень высших и низших. Ясно ученикам, что, прежде всего, и дороже – искра художника, и только из неё идёт истинное совершенство техники. Много недоразумений на этой почве. То же самое, казалось бы, всем известное, вспоминаю, говорил мне и А.И. Куинджи, тот самый А.И. Куинджи, которого почему-то не хотели понять и считают врагом «прикладного» искусства. А он, как художник, конечно, слишком высоко ставит творчество, чтобы допустить клеймо ремесла.

Творческую сторону дела, несомненно, предпочитает требованию из магазина о повторении проданных предметов и княгиня Мария Клавдиевна. Вместо ответа на многое она находит единственно верным давать вещи в новых рисунках. Сама обстановка дела со сбытом в магазине не может удовлетворить её, и она ищет более подходящие условия выставки изделий. Такая боязнь опошления – тоже хороший залог. В стремлении к совершенству и разнообразию ученикам даётся прочное ограждение от будущих искусов жизни.

С годами добром помянут вышедшие из Талашкина свое школьное время.

* * *

Ряд острых воспоминаний.

Фигурные, звериного и цветочного рисунка ворота и столбы. Сказочные теремки. Вышивания. Чаща узоров: острые «городки», пухлая «настёбка», узорно-прозрачная «рединка», «набор Москва», «строчка», «кресты»... Сукманина, редно-дерюга, бранина, нацепина... – ткани простые, на глаз бархатистые, мягкие. Красильня с таинством красок; пучки травы и кореньев; древняя старуха-мордовка в стародавнем наряде, ведунья состава прочных цветов.

Хоры. Музыка. Событие деревни – театр. И театр затейный. Вспоминаю приготовления к «Сказке о семи богатырях». Мне, заезжему, виден весь муравейник. Пишется музыка. Укладывается текст. Сколько хлопотни за костюмами; сделанные заново должны быть хороши, под стать старым, взятым из музея. Постановка. Танцы. И не узнать учеников. Как бегут после работы от верстака, от косы и граблей к старинным уборам; как стараются «сказать»; как двигаются в танцах, играют в оркестре. С неохотой встречают ночь и конец.

Прошлым летом любовался таким представлением. Был участником шумной радости.

Видел и начало храма этой жизни. До конца ему ещё далеко. Приносят к нему всё лучшее. В этой постройке могут счастливо претвориться чудотворные наследия старой Руси с её великим чутьём украшения. И безумный размах рисунка наружных стен собора Юрьева-Польского, и фантазмагория храмов Ростовских и Ярославских, и внушительность Пророков Новгородской Софии – всё наше сокровище Божества не должно быть забыто. Даже храмы Аджанты и Лхасы. Пусть протекают годы в спокойной работе. Пусть она возможно полней воплотит заветы красот. Где желать вершину красоты, как не в храме, высочайшем создании нашего духа?

Удивляются успеху Талашкина. Удивляются, почему быстро расходятся изделия его мастерских? Но это проломы в плотном строе прошлости, и дают они надежды на будущее. Недаром за границей оценивают достоинства дела княгини Тенишевой и с доброжелательством говорят о нем. Недаром молодёжь полна желаний применить силы свои в таком деле. В стремлении молодёжи всегда звучит хорошее, не задавленное предубеждением возраста.

Говоря о деле сейчас, приходится только сказать о развитии его в случайной минуте. Трудно предугадать, как шагнёт дело, какие заторы его ожидают и какой след оставит оно в русской жизни. Можно только догадываться, что будущее его может быть так же примечательно, как и начало. И корни дела не так недалеки от «единства» стиля, в стремлении молодого Запада. Различие подхода не заслонит цели – торжества строгой формы и линий и слияния с «единым» западным стилем, не в слепом подражании ему, а в единстве глубин красоты.

Считают изделия Талашкина безупречными. Другие отрицают их, забывая, что одно из главных достоинств творчества Талашкина – отсутствие скучной заключительной точки.

Много спора, как и обо всём, что не уложилось в обмеренные рамки. О характере изделий Талашкина говорят разное. Называют этот стиль новым, измышленным, неприменимым. Говорят, что это прямое преемство от старорусских заветов. Находят в нём путь к обновлению всей русской обстановки обихода. Видят его чуть ли не достоянием народным. Упрекают за грубость материала и техники; обвиняют в этом Малютина... Не знаю, что верней. Не хочу и думать об этом. Эта дума ненужная. Она никому не поможет, ни пользующим, ни творящим. Такими думами только закрепляются рамки вокруг

дела, свободного по существу. Вышивкам крестьянок, полным приятнейших, растительнейших красок и заветных стежков и узоров, кристаллизованных веками, сочной резьбе и гончарству в удачных вещах – нет дела, кому они будут служить и как; безразлично им, чей глаз ласкать и покоить.

Лишь бы росли и развивались такие дела. Лишь бы тем самым искусство становилось нам более нужным.

Усмехаемся горько: «нисколько не возбраняется презирать искусство. Любить его никто не обязан... Справедливо мнение, что искусство ничего не требует от правительства, кроме того, что требовал у Александра Диоген: по-сторонись, не заслоняй мне солнца». Эта скромная просьба искусства обращена и к толпе, к академиям, часто к критике и ко многим художникам.

Конечно, в настоящее время, а может быть, и в ближайшие дни искусство будет особенно далёким от нас, заслоненное другими событиями жизни. Может быть, ещё никогда русская мысль не удалялась так от искусства, как сейчас. Но тем приятнее в эти дни мечтать об искусстве. Приятно сознать, что, может быть, хотя бы путем временного удаления мы ближе подойдем к нему, к его жизненной сущности. Может быть... И глаза наши, полузакрытые, откроются на многое вечное.

К этому времени нужна работа. Нужны усилия не только отдельных личностей, лишенных ли дела, уходящих ли «в горы», подавленных ли в своих лучших стремлениях. Нужны явления сильные, с широким размахом. Такое и дело княгини Тенишевой, крепкое в неожиданном единении земляного нутра и лучших слов культуры.

В стороне от центров, вне барышей и расчётов творится большое, хорошее, красивое.

Так вспоминается Талашкино.

1905

Н. Рерих

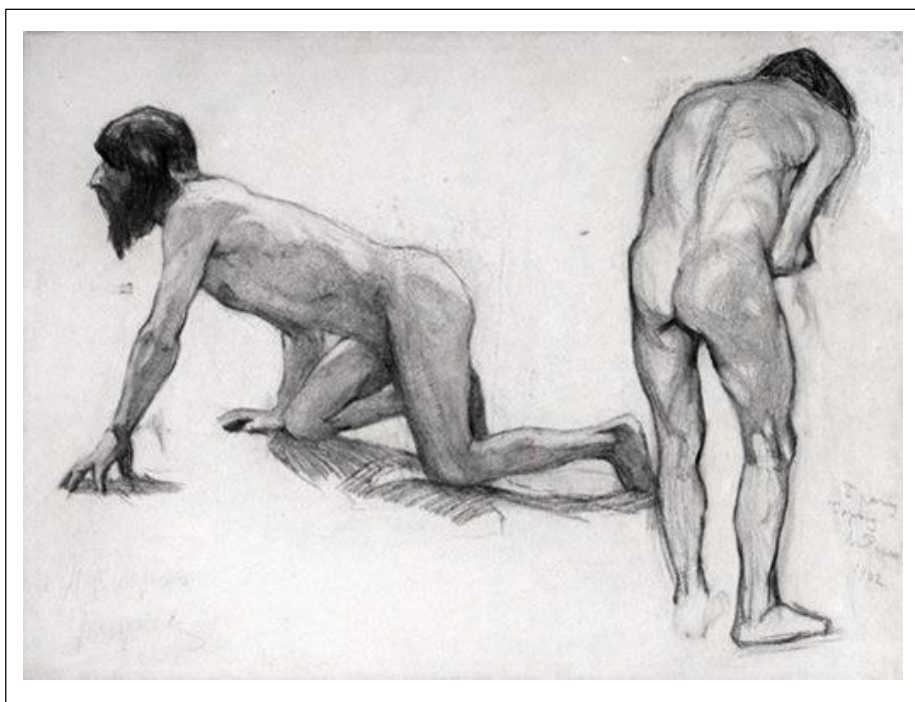
Публикуется по изданию: Рерих Н.К. Собрание сочинений. Т. I. М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1914

15 ноября 1905 г. СПб.

**Генерал Клейгельс в роли...
художественного критика**

Оказывается, Н.В. Клейгельс был не только петербургским градоначальником, но делал экскурсии ещё и в область художественной критики. Печатных трудов не осталось, остались лишь устные предания. Литературный же багаж Клейгельса ограничивался, как известно, пожарными сочинениями вроде книги: «Подарок молодым пожарным», настольной во всех участках и брандмейстерских кабинетах.

Года три назад художник Н.К. Рерих устраивал на Морской выставку своих картин и рисунков. Всё это должно было пройти цензуру Клейгельса. Рерих представил ему рисунки.

Н.К. Рерих. Натурщики. 1901.

- А это что такое? – строго спросил градоначальник.
- Это, ваше превосходительство, этюды натурщиков, рисованные мною в Париже, в мастерской профессора Кормона.
- Как? Голые?
- Натура почти всегда позирует обнажённая. Её ставят для того, чтоб художники изучали в рисунке анатомию человеческого тела.
- Нельзя! Не позволю! не разрешу! это может оскорбить общественную нравственность.
- Но во всём мире, ваше превосходительство, выставляют этюды и рисунки мужской и женской наготы, и ничьей нравственности это не оскорбляет.
- Пускай во всём мире, а у себя в Петербурге я не позволю.
- Эти рисунки были напечатаны в художественных журналах. Следовательно, их публика видела.
- Ничего знать не хочу, кроме того, по правде говоря. они исполнены весьма неважно. Вот видите, здесь коленка не на месте, потом эта рука, вам надо учиться рисовать.
- Рерих улыбнулся.
- Но, позвольте, генерал, эти рисунки работались под указаниями Кормона, и он выпустил их из мастерской, а ведь Кормон – знаменитый профессор.
- Мало ли что Кормон? А вот я их нахожу слабыми.
- Строгий художественный критик Н.В. Клейс не одинок...

Б.

Биржевые ведомости. 1905. 15/28 ноября. Вечерний выпуск. № 9109.

24 ноября 1905 г. СПб.

Русские археологические коллекции за границей

На днях вернулись в Россию археологические коллекции, принадлежащие князю П.А. Путятину и художнику-археологу Н.К. Рериху, находившиеся на международном археологическом конгрессе, состоявшемся на юге Франции в Perigeix (Djrdogne). Это был первый опыт демонстрации предметов, относящихся к каменному веку и добытых в России, перед представителями всего мира. Один Рерих послал 1 ½ т. номеров, которые крайне заинтересовали таких известных учёных, как Мортилье, Капитен, Ривьер и других.

Россия. 1905. 24 ноября/ № 17. Так же: Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к выпуску 18-му. 1906. СПб. С. 53.

25 ноября 1905 г. СПб.

Художественное издание

В ближайшем будущем выйдет в свет художественное издание, посвящённое воспроизведению предметов изделий Талашкинских мастеров.

Талашкино - село Смоленской губ., имение известной в искусстве кн. М.К. Тенишевой.

В выходящем скоро в свет издании наибольшее место будет отведено воспроизведениям вышивок, которыми исстари славятся крестьянки Смоленской губернии. Остальные воспроизведения сделаны с изделий керамических и резного искусства. Текст для этого интересного издания написан г. С. Маковским, а общая редакция - художника Н. К. Рериха.

Рассвет. 1905. 25 ноября/8декабря. № 220. С. 4.

Выставка «Союза русских художников»

В начале января 1906 года в залах Академии художеств откроется выставка «Союза русских художников».

В ней примут участие давно не выставившие своих произведений художники Н.К. Рерих и К.А. Сомов. Первый художник выставляет около пятидесяти картин и этюдов; большинство из них посвящено исторической живописи, а некоторые по содержанию будут символические. Рерих несколько лет не выставял и всё это время много работал как над живописью, так и над изучением русской старины, которую он воспроизводит в своих произведениях...

Художественные сокровища России. 1905. № 11.

ДЕКАБРЬ

В. Серов. Портрет княгини М.К. Тенишевой.

В сказочном царстве

Вы хотите знать, где это прекрасное сказочное царство?

Ни за что не догадаетесь.

Юг Италии, Неаполь, Венеция, Монте-Карло? - всё это волшебно красиво, но... не то!

Сказочное царство, о котором я буду говорить, и говорить с таким восторгом, - особое, древнерусское, былинное царство. Это смоленское имение княгини Марии Клавдиевны Тенишевой - Талашкино. Очутившись там, вы сразу переноситесь в глубь минувших веков на несколько столетий.

Княгиня - сама художница, и горячо, страстно любит родное искусство. В смысле возрождения прикладного русского стиля, она сделала очень много. Заслуги её в этом отношении - громадны...

На всём убранстве помещичьего дома, на всех постройках лежит отпечаток чего-то самобытного, древнерусского, полузабытого, даже совсем забытого и вдруг воскресшего на таких пленительных, чарующих глаз формах, линиях и красках.

Здесь, в Талашкине, царство того стиля, над воссозданием которого работали Виктор Васнецов, Поленова, Врубель, Якунчикова, Рерих, Суриков и мн. другие.

Художественно-промышленные школы княгини Тенишевой славятся не только на всю Россию, но даже известны за границей. Нужно ли говорить о громадном культурном значении этих школ. Та стильная мебель, те скатерти, салфетки и ткани, которые выходят из этих мастерских, развивают и обогащают невысокий эстетический вкус так называемого среднего интеллигента и зажиточного, воспитанного в аляповатой французской бронзе и неряшливой работы золочёных стульях, разжиревшего буржуа.

Ученики и мастера талашкинских школ - всё это дети крестьян соседних сёл и деревень. Интересный, осмысленный труд облагораживает их души, и в свои родные хаты несут они из Талашкина чистые, светлые порывы к чему-то прекрасному, поэтическому, как ранняя предрассветная грёза. Молодого парня, который с изумлением

видит, как из искусных рук выходит чудесный художественный шкафчик, стул, расписанный птицами-Сиринами, - уже не потянет в грязный и смрадный кабак с висящей в воздухе отвратительной бранью. Будет ли он счастливее - это другой вопрос, но он не будет таким, как другие.

Ранним утром княгиня Мария Клавдиевна уже обходит свои мастерские. Мимходом оброненное меткое замечание, два-три слова по поводу того или другого - чувствуется, что присутствие этой женщины, умной, одарённой редким вкусом, необходимо.

В рукодельной мастерской работают простые деревенские девушки. Верить не хочется - какого достигают они подчас мастерства в своих кружевах, скатертях, салфетках. И всюду, в каждом изгибе орнамента, - сказочный русский стиль. Да и сама по себе мастерская - настоящая сказка. Из грубых солдатских и мужицких сукон, из дотканых материй создаются чудеса изящества и благородства. Какие узоры, какие сочетания искусно подобранных тонов, то ярких, то бледных, но одинаково спокойных, ласкающих глаз!

Княгиня знакомила меня с убранством своего дома. Я удивлялся его роскошной простоте.

Улыбаясь, княгиня обратила моё внимание на дверь, задрапированную складками лёгкой, но плотной материи.

- Что Вы скажете?

- Один восторг.

- Да? А ведь это обыкновенное серое солдатское сукно, из которого делаю шинели.

Оставалось только руками развести. Я невольно пожалел тех людей, у которых на дверях и окнах висят тяжёлые плюшевые и бархатные портьеры, точно созданные затем, чтобы впитывать в себя пыль.

Лозунг талашкинского дома, а следовательно, и лозунг его хозяйки - прочь банальщину! Действительно, нигде ничего обыденного, шаблонного, пошлого. Каждая самая ничтожная вещица, до пепельницы включительно, имеет своё собственное обличье, гармонирующее с общим целым.

В мебельной мастерской под наблюдением княгини и художников, по их рисункам делаются диваны, шкапы, стулья, солонки, зеркальные рамы, балалайки, свирели. Среди учеников нередко выделяют наиболее талантливых, и те работают уже по собственным рисункам. Интересны балалайки, расписанные птицами-Гамаюнами по оригиналам Врубеля, и многое из мебели, сделанное по рисункам Рериха, который с удивительной, трогательной наивностью проникся детски- пленительным стилем далёкой, легендарной эпохи славянства.

Красивая архитектурная игрушка, разумеется, в излюбленном стиле, - деревянный театрик, намечающийся красивыми линиями на зелёном фоне раскидистых деревьев. Внутри он ещё краше, и над отделкой его потрудились наши лучшие первоклассные художники. Он вмещает в себе около двухсот зрителей. Исполнители - ученики мастерских, зрители - соседние крестьяне.

В версте от усадьбы, среди застенчивой и мягкой белорусской природы стоит школа, напоминающая боярский терем. Рядом с ней - общежитие для нескольких десятков учеников.

Всё это на средства княгини, которой школа обходится в год тысяч пятнадцать. Целый штат преподавателей, множество учебных пособий. Две библиотеки, учительская и ученическая. В школе висит портрет княгини кисти Репина, особенными достоинствами, впрочем, не блещущий.

С чисто материнской заботливостью относится Мария Клавдиевна к своим питомцам, она вникает в их повседневную жизнь, посещает уроки, следит, чтобы детей хорошо кормили. Захворает кто-нибудь из пансионеров, хотя бы самым пустячным образом, - сейчас же посылают за княгиней. Случались дни, она по пяти раз ездила в школу.

Общежитие изумляет своей комфортабельностью, в особенности для непривычных крестьянских детей. Железные кровати с тюфяками и чистыми простынями и подушками. У каждой кровати шкапчик-гумбочка. Совсем институтские дортуары. На кухне готовится сытный и вкусный обед. Смотрят здоровые мальчики весело, приветливо - душа радуется. Они тоже очутились в сказочном царстве.

Много подкупающего и красивого, как и во всём, что она делает, - в благотворительности Марии Клавдиевны. Ничего показного, бьющего на дешёвый, чисто внешний эффект. Всё глубоко, всё от сердца. А разве не красиво: великосветская женщина, выезды которой считались первыми в Булонском лесу и у которой в Париже садилось за стол до двухсот человек - всего самого знатного, блестящего и талантливого - она едет по первому зову в школу к мальчику, у которого разболелись зубы или пошла носом кровь? Едет украдкой, чтобы никто не знал.

Обширный и светлый, как фонарь, дом отведён вернувшимся с Дальнего Востока раненым. Две женщины-врача и целая армия сестёр милосердия ухаживают за ними. Тонкая гигиеническая кухня. Раненых развлекают чтением вслух, и по целым дням для их удовольствия играет граммофон с такой сверкающей и длинной трубой, которой бы позавидовало двенадцатидюймовое орудие. Выздоровливающие и уехавшие кто в полки, кто на родину, солдаты шлют княгине восторженные благодарственные письма. Этих писем целые кипы. Какие красноречивые документы - эти нетвёрдые, старательно выведенные каракули! Я уже говорил, что княгиня сама художница. Кто тонко и чутко понимает чужое творчество, как Мария Клавдиевна, тот не может творить убого. Талант княгини - талант несомненный. Если бы она систематически работала над ним, могло бы получиться строгое и прекрасное дарование. Но жажда общественной организаторской деятельности мешала отдаться всецело личному творчеству.

Княгиня училась живописи сперва у Репина, а потом пользовалась советами многих парижских профессоров и главным образом Бонна, с которым покойный муж Марии Клавдиевны был очень дружен.

В уютной, с верхним светом, талашкинской мастерской висят на стенах некоторые этюды княгини. Весьма удачны и по мужской энергичной живописи, и по сходству, портреты Репина и Ционглинского. Никто не сказал бы, что их писала женская кисть. Не уступают портретам Марии Клавдиевны и работы её в области орнаментики. Мебель, утварь, полотенца и скатерти, сделанные по её рисункам, носят ту же печать оригинального изящества, как и всё Талашкино, которое смело, без всяких преувеличений, можно назвать сказочным царством.

Так и чудится, что на повороте, из-за густой зелёной купы деревьев подвигаются к вам васнецовские богатые.

В Талашкине собрана великолепная коллекция первоклассных этюдов, рисунков и акварелей. Там и Репин, и Мейсонье, и Милле, и Коро, и модный Серов. Им написан поколенный в натуру портрет княгини (см. выше). Очень жаль, что портрет не попал на историческую выставку в Таврическом дворце! Репин представлен портретом графа Алексея Толстого, едва ли не единственным художественным портретом великого поэта. Бесподобен "Отдыхающий кирасир" Мейсонье, а рисунки Милле дают впечатление настоящих откровений.

Со странным чувством покидаешь Талашкино. Когда из длинной тенистой аллеи лошади сворачивают на шоссе и коляска, стуча по камням, увозит вас к Смоленску, - вам чудится, что ничего этого не было, а просто вы грезили каким-то нездешним сказочным царством.

Н. Брешко-Брешковский

Новый мир. 1905. 1 декабря. № 23. С. 266-268. В статье помещены портрет М.К. Тенишевой работы В.А. Серова и фотографии с изделий талашкинских мастерских.

ЛЕТОПИСЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВ

...Н. Рерих получил приглашение от кружка Manes в Праге устроить отдельную выставку. Как передают, кн. М.К. Тенишева устраивает весною в Париже выставку коллекций своего смоленского музея и художественно-прикладных вещей – из мастерских в Талашкине.

Весы. 1905. Декабрь. № 12.

ОТЧЁТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА ПОощРЕНИЯ ХУДОЖЕСТВ ЗА 1903-1905 ГОД,

Художественные новости

Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств за 1903-1905 год, вышедший недавно в свет, содержит немало интересного, иллюстрирующего плодотворную деятельность Общества в развитии русского искусства. Отчётное время является одним из самых знаменательных в жизни Императорского Общества поощрения художеств: 10-го декабря 1903 года в торжественном заседании Общество праздновало двадцатипятилетнюю годовщину со дня принятия звания председателя Общества императорским высочеством принцессою Евгениею Максимилиановной Ольденбургской. В ознаменование этого радостного для Общества дня Государь Император соизволил дать на имя августейшего председателя Общества высочайший рескрипт, в котором была объявлена ежегодная юбилейная премия имени её императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской для выдачи на всероссийских конкурсах Общества за лучшее художественное произведение. Среди развития деятельности Общества следует отметить успех постоянной выставки и аукционной продажи при ней; с настоящего года при постоянной выставке положено основание читальне. В течение отчётного времени в помещении Общества состоялись следующие художественные выставки: журнала «Мир искусства», Первого дамского художественного кружка, польского художника Менжины-Кржеш, академика Альб. Бенуа, картонов для мозаик проф. В. М. Васнецова, патриотическая, общества акварелистов, этюдов с памятников русской старины художника Н. К. Рериха, товарищества передвижных выставок и снова выставка Первого дамского художественного кружка. Все эти выставки привлекли посетителей 52 041 человека. Стипендиями Общества пользовались пятнадцать человек, ссудами под представленные картины восемь нуждающихся художников. Рисовальная школа Общества развивалась, и число учащихся сильно увеличилось; за отчётное время продолжалось дело художественно-научных командировок наиболее способных учеников и учениц школы по России и за границу; так, были командированы художницы Новицкая, Ковальская и Гарнак и художник Субботин; кроме того, комитет Общества командировал своего секретаря, художника Рериха, по России для писания этюдов с памятников старины. Школу рисования при Обществе и пригородные её отделения посетило в 1903 году 1691 человек, а в 1904 году 1517 человек. Редактор журнала Общества «Художественные сокровища России» Ал. Бенуа оставил, к сожалению, своё место, и взамен его избран профессор Адр[иан] Прахов. В течение отчётного времени вновь в число действительных членов Общества вступили её императорское высочество великая княгиня Ольга Александровна и его высочество принц Пётр Александрович Ольденбургский. Общее число членов Общества было в 1903 году 311 человек, а в 1904 году 321.

Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 25 февраля/10 марта. № 44.

1906 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

А.А. Ростиславов.

Весьма знаменательным в жизни и художественной деятельности Рериха является 1906 г., когда он был назначен директором школы Поощрения Художеств и, воспользовавшись официальным отпуском, с апреля по сентябрь, совершил поездку за границу². Начавшись Женевой и Парижем, эта поездка была главным образом путешествием по Италии. С одной стороны сильные “горные впечатления” (ярко повторявшаяся потом во время путешествия по Кавказу), напр., незабываемое впечатление “красных гор”.

С другой стороны, широкое знакомство с Италией, итальянским искусством, обликом итальянских старинных городов и пейзажей, а в Париже с работами Дегаза, Писсаро, ван Гога и особенно Гогена. Поездка эта должна была сильно повлиять на весь склад художника, хотя опять менее всего хочется говорить о прямых определённых влияниях, тем более, заимствованиях. Скорее опять на многое окончательно открылись глаза его, многое ещё бродившее установилось и определилось. Как раньше Палаццо Медичи, Джотто с его выразительностью и отзвуками византизма, вообще итальянские примитивы особенно Сиенской школы обогатили представление о примитивизме и декоративности, обильно питавшееся формами византийскими и древне-русскими. Гоген как бы подтвердил и дал простор стремлению к яркому сочетанию красок, к широкому и упрощённому сочетанию красочных плоскостей. дивный демонизм гор дал ещё больший простор фантазии, говоря нигде не повторяющимися красотами структуры, красок. Поразительно разнообразных моментов. когда, например, при смолнечном заходе или восходе мрачно – траурные снеговые вершины горят золотом и пурпуром, а внизу в ущельях стелется глубокая синева. Накопления впечатлений от природы и произведений искусства перерабатывались во внутренней лаборатории художника наряду с ранее заложенными настолько сложно, что не может быть речи об эпигонстве, даже определённом эклектизме. В переработке своего изошрённость Врубеля и Гогена слились с изошрённостью иконописи и примитивов, эмалевого богатства византийских и восточных красок. Горы говорили не горными пейзажами, а необычностью красок, дивным таинственным складом своих основных форм, основной структуры, красотой камня, когда-то в мелких поделках так непосредственно и богато служивших человеку.

Вернувшись из-за граничного путешествия с богатым запасом впечатлений и складывавшимися задачами новых живописных попыток, Рерих вступил в должность директора школы Общества Поощрения Художеств, и с этих пор начинается его особенно продуктивная, интенсивная деятельность художника и художественного администратора и организатора.

Частью благодаря энергии и работоспособности, частью потому, что обе деятельности отвечали стремлениям художника, для него оказалось возможным и плодотворным столь трудное совмещение. Может быть, по самой своей натуре культурного художника и пропагандиста, он не мог замкнуться в преследовании только индивидуально-художественных задач, может быть, манил пост общественно-художественного деятеля. Всё русское народное искусство, все недавние задачи его возрождения и сохранения слишком близки Рериху.

---

² Следовавшими за тем поездками были: в Лондон 1909 г., на Рейн и в Голландию, в 1911 г.- вторично на Рейн и в Голландию. кроме того, неоднократные поездки в Париж.

Отсюда большое участие его в работах известного художественно-промышленного производства села Талашкина Смоленской губ., где на основах народных и новых форм создавались попытки осуществления художественного стиля в быту. Рерих выступил теоретическим защитником и пропагандистом, поставив в одной из своих статей широкий вопрос, “может ли быть промышленность нехудожественной”, и доказывая, что “само фабричное производство – это неизбежное зло – должно быть порабощено искусством”.

Нельзя сказать, чтобы среди других художников, работавших для Талашкина³, каковы Врубель, Малютин, Поленов, Рерих проявил непосредственное деятельное участие, но несомненно, он был одним из вдохновителей прекрасного предприятия. Из тогдашних работ художника, сделанных для мастерской, надо отметить эскизы мебели, эскизы резьбы по дереву. К тому же времени относятся первые работы для мозаики и майолики. Всё тогдашнее движение, оценка которого в будущем, не разрослось, конечно, до размеров аналогичного движения, созданного английскими прерафаэлитами. Уровень общего и государственного образования был ещё слишком низок, да и русская действительность не давала почвы, особенно в наступившее смутное время.

Широкое поле в области насаждения художества открылось для Рериха с назначением его директором школы. Школа Общества Поощрения, наряду с другими нашими большими художественно-промышленными училищами, носила официально-показной характер, питаясь омертвелыми трафаретами по устаревшим западным образцам и бессистемной копировкой форм русских. Хуже всего было поставлено общее художественное образование, благодаря, отчасти, именно тенденции отделять чистое искусство от художественной промышленности. Не производя крупной ломки, Рерих проявил большую настойчивость, реформируя школу, исходя из чисто художественных тенденций, из принципа “искусство едино”, привлекая в преподаватели постепенно известных талантливых художников, новый директор быстро поднял уровень в общерисовальных и этюдных классах.

Открылось и открывается много новых специальных классов и мастерских, причём ученики практически знакомятся с техникой производств. Организуются лекции по вопросам искусства, экскурсии, основан музей современной живописи. При абсолютной свободе поступления и занятий, совмещая самые разнообразные элементы стремящихся к художественному образованию, школа имеет тенденцию стать народной школой искусства, крупным художественно-просветительным учреждением, где подход к изучению специальностей идёт через общее художественное образование, и где можно дойти до этого изучения, начиная с самых низших ступеней. Задача очень большая, очень трудно достижимая в идеале, ибо показная сторона при благих намерениях должна оправдываться серьёзностью постановки дела во всех деталях. Но самая постановка задачи нечто очень крупное, обусловленное широтой художественных запросов, а многие уже совершившиеся осуществления таковы, что, казалось бы, должны поглотить всё время и всю энергию художника, тем более, что при чрезвычайном росте числа учеников (сейчас до 2000) средства остаются очень ограниченными. Между тем удивительная художественная продуктивность за истекшее десятилетие директорства у всех на глазах.

Из Монографии 1918 г.

---

³ “Талашкино”. Изд. “Содружества”. СПб. 1905. Помимо “Талашкина”, вопрос блестяще освещался в журнале “мир Искусства” и в таком предприятии, как “Современное искусство”.

ЯНВАРЬ

1 января 1906 г.

ХРОНИКА Что нам даст Новый год?

Новогодний полуночный звон - момент надежд и упований!

Существует даже примета, что кто успеет в течение боя часов написать три желания и сжечь записку на свече, желания того исполнятся.

Если бы эта примета была верна, сколько бы человеческих желаний исполнилось, и как бы иначе сложилась жизнь многих не только частных лиц, но и целых народов.

Мы задались мыслью и решили спросить представителей науки и свободных профессий об их новогодних пожеланиях на рубеже тяжёлого для России, отходящего в вечность года.

Н.К. Рерих:

- Приблизительно на ваш вопрос на днях пришлось мне отвечать в одном письме за границу. Но там говорилось длинно с цифрами, с фактами. Вам скажу короче.

Что можно ожидать нового в искусстве?

1. Сознание, что искусство во всех направлениях не чуждо общественной работе.
2. Благожелательный интерес ко всему новому и выдающемуся.
3. Широкое распространение настоящих художественных изданий (хотя бы до 5000 на 150 000 000).
4. Справедливый и жизненный состав художественных музеев.
5. Успех интересных выставок.
6. Действительное охранение памятников художественной старины.
7. Начало художественно украшенных государственных и общественных зданий.
8. Стремление к красивой обстановке обихода.
9. Благоустройство Академии художеств;
и даже
10. Память о том, что искусство существует, что оно составляет народную гордость, что оно нужно...

Всё это, необходимое для жизни искусства, у нас в новом году ожидать нельзя.

Петербургская газета. 1906. 1 января. № 1.

Из хроники:

"... Н.Рерих получил приглашение от кружка Manes в Праге устроить отдельную выставку". (Весы. 1905. Декабрь. № 12.)

Павильон ассоциации художников и скульпторов "Манес"
(Фото 1902 г., арх. Ян Котера, Вацлавская площадь. *Снесён*)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н.К. РЕРИХА:

"При несломимой окружающей оседлости не так-то легко было тридцать лет тому назад помечтать, как бы выйти за пределы, за границы - "за морями - земли великие". Но ко всяким таким землям далёким, ко всяким горам зовущим, к высотам вдохновляющим нужно найти какой-то ключ, нужно, чтобы вестник какой-то постучал и позвал. Приходит письмо от Общества "Манес" из Праги с приглашением на выставку, предлагают перевезти картины, всё устроить, и слышится в этом приглашении что-то такое сердечное, что открывает всеславянские, всечеловеческие сердца.

Тридцать лет прошло с тех пор, но как сейчас помню всю радость, расцветшую от такого сердечного зова. Ведь это была та приоткрытая дверь, которая сразу расширяла возможности, поиски и утверждения прекрасные. Пришла эта неосознанная, но внутри долгожданная весть от людей совсем незнакомых - просто из голубого неба. Ведь тогда я совсем не знал милого Милоша Мартена. Там, где-то за горами, за долами образовался этот новый друг и позвал на путь, жданный в глубинах сердца.

И не от случайного народа пришла весть, но от близких в духе славян. Ведь братьями их считаем, и в каждой славянской встрече сразу создаются созвучия родственной души. Поехали картины на выставку. А потом пришли радостные вести. Пришёл отдельный номер журнала "Дило" с прекрасной в своей искренности статьёй Мартена. Ф. Сальда в "Волне смерти" посвятил статью сильно звучащую. Губерт Цириак в "Модерни ревью" прочувствованно поэтически назвал выставку "сен минувости" - сон прошлого. В этом сне прошлого мне-то снилось вовсе не прошлое, но будущее. Потому-то Злата Прага навсегда осталась для меня вратами в будущее.

Помню, как Елена Ивановна, всегда устремленная в будущее, радовалась именно этому приглашению из Праги. В каждом обстоятельстве, помимо внешности, заключено ещё зерно внутреннего смысла. Зерно Пражской выставки заключало в себе нечто необыкновенно дружеское. Конечно, Милош Мартен и Ф. Сальда, и Г. Цириак, так же как и другие высказавшиеся о выставке, были очень тонкими культурными ценителями. Но помимо этих специальных познаний в области искусства они были, прежде всего, людьми, полными того общечеловеческого чувства, которое делает возможным истинный прогресс культуры". (Н.К. Рерих, "Злата Прага". 1936 г.)

6 января 1906 г.

Письмо Рериха Н.К. к Базанкур Ольге Георгиевне.

Милостивая Государыня, Госпожа Базанкур.

Посылаю Вам экземпляр книги о Талашкине и прошу Вас принять его от составителей книги. До сего времени Талашкино ещё не разграблено, но настроение там слишком напряжённое, чтобы продолжать прежнюю работу. Поджог произведённый там при мне, оказался, действительно, делом рук учеников Школы. Можете себе представить, каким ударом для княжны была такая неблагодарность. Когда мы начинали издание. мы думали отметить большое русское культурное явление, но это было год назад! – теперь же оказывается, мы делали памятник. В введении Вы можете найти и другие факты, указывающие, как трудно действовать русскому любителю искусства, - факты с Русским Музеем и со Смоленском характерны.

Всегда рад служить Вам словом и указаниями. Дома бываю от 11 до 1 часу дня, (сегодня дома весь день) - В.О. 4 лин. №5 кв.9. В Обществе от 2-4 час. Прошу принять уверения в моём совершенном уважении.

НРерих.

6 янв. 1906 г.

Российский государственный архив, 2л. 1904-1-4

8 января 1906 г.

ЗАМЕТКИ

В мастерской художника-мозаичиста В.А. Фролова теперь исполняются художественным мозаичным набором две большие картины религиозного содержания - "Покров Пресвятыя Богородицы" и "Спас" для внешнего украшения храма, строящегося в имении В.В. Голубева "Пархомовка" в Киевской губ.

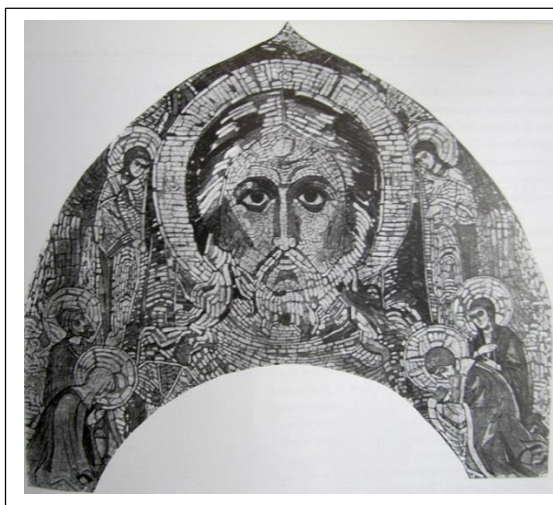
Эти картины написаны талантливым молодым художником Н.К. Рерихом. Работы его религиозного содержания малоизвестны публике - до сих пор из его мастерской выходили картины исторического содержания.

Судя по картонам, по которым исполняется художественный мозаичный набор, эти две работы Н.К. Рериха полны интереса, оригинальности и своеобразного понимания духа русской церковной старины.

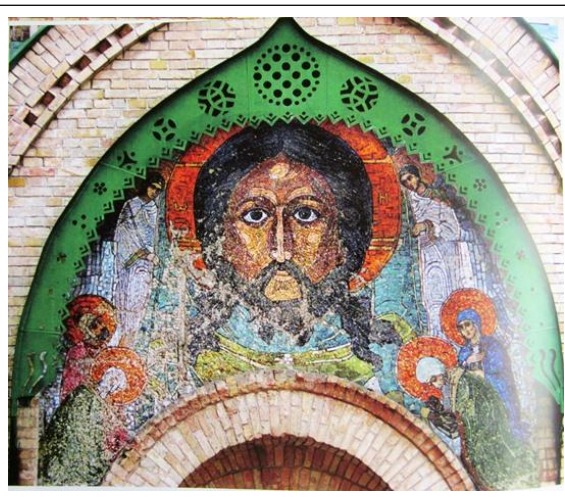
Слово. 1906. 8 / 21 января. № 348.

Покров Пресвятыя Богородицы.
Мозаика, исполненная по картонам Н.К. Рериха в мастерской В.А. Фролова.

Н.К. Рерих. Спас с избранными святыми.
Эскиз мозаики.

Сохранившаяся мозаика.
(Совр. фото)

14 января 1906.

Художественные новости

В феврале месяце в Праге открывается выставка картин и этюдов художника Н.К. Рериха. выставка устраивается кружком венских художников. выставка продлится целый месяц.

С.Петербургские ведомости. 1906. 14 января. № 10.

28 января 1905 г.

А. И. Куинджи

И в художественном мире, и в обществе всё чаще и чаще называют Архипа Ивановича Куинджи как ближайшего кандидата на освободившийся пост вице-президента Академии художеств. <...>

Нужно ли говорить, как сразу поднял бы Куинджи гибнущую, разлагающуюся Академию! Он освежил бы штат профессоров новыми интересными элементами и сам преподавал бы, ибо учитель он - редкий. В короткий промежуток времени Куинджи выпустил целую фалангу таких даровитых живописцев, как Руциц, Пурвит, Рерих, Зарубин, Рылов, Латри и другие. Он не стеснял их творчества, и хотя они называются «куинджистами», но все они — каждый по-своему, и ни один не похож друг на друга, ни на учителя. <...>

Когда он пожертвовал сто тысяч для премий за лучшие картины академических выставок, все, даже враги (у больших людей их всегда много), склонились перед ним. Не какую-нибудь крупницу, а целую треть своего состояния пожертвовал он на благородное, прекрасное дело поощрения молодых неокрепших сил.

Благодаря ему, эти молодые таланты получают возможность правильно идти своей дорогой и развиваться, работать для искусства, а не растрачивать свои силы в борьбе за существование, ретушируя фотографии. Для Куинджи >то прошло безнаказанно и не могло задавить его гения. Но титаны редки, а таланты среднего качества без поддержки гибнут сплошь да рядом.

Ник. Брешко-Брешковский

Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 28 января / 10 февраля. №22.

Н.Рерих

ЯПОНЦЫ

За гранью обычно оформленного слагается особый язык. Несказанное чувствование. Там вспыхивает между нами тайная связь. Там понимаем друг друга нежданнами рунами жизни; начинаем познавать встречное взором, близким вечному чуду.

Чудо жизни, победное и страшное! Чудо, заполняющее все глубины природы, подножие вершин бытия!

Оно редко выявляется рукой человека.

Египет, Мексика, Индия... – чудно, но не явно. Узоры прекрасные, сверкающие блески, но ткань уже истлела. Но живы ещё волокна жизни, сплетённой старыми японцами. Аромат сказки ещё струится над желтеющими листьями, над стальной патиную лаков.

Глазу живому – горизонт необъятный. Сложенное старым японцем учит и поражает. Ослепляющая задорная жизнь: правда великого в малом. Тончайший иероглиф жизни – рисунок, в многообразии подробностей сохранивший полный характер общего.

Высшая законность в силе незаконного размаха. Невинность в призраке бесстыдства. Дьявольская убедительность фантастики. Песня чудесных гармоний красок, которая одна только может успокоить наше подстреленное сознание; особенно сейчас.

Вершины искусства, часто чуждые нам, преобразились в творениях японцев.

И мы всё-таки далеки от этой волшебной ткани – жизни. Говорю «всё-таки» – в нём и печаль об античном, и горе его сознания; в нём подавленность громадами наших музеев, и гордость нашими исканиями, и ужас закоптелых заслонок нашей жизни...

Все наши пороги искусства, где мы спотыкаемся, старый японец попирает смело. Аристократизм Искусства, народность, романтизм, символика, сюжетность, историчность, этнография – всё нам и милое и чуждое – всё сочеталось в старом японце, и всё презрено; всё претворилось в красивое.

И это «красивое» – неопасное слово.

Имеет право не обходить таких слов – народ, выходящий весною из города приветствовать пробуждённую природу; народ, каждый день разбирающий свои сокровища – картины; народ, не находящий возможным даже сказать художнику цену художественного произведения. Где, как не в Японии, такое количество собраний Искусства? В какой другой стране настолько почётно называться собирателем художественных произведений?

И рождённый такую страну художник имеет высокое право верить в себя; и безмерное его трудолюбие, и бесчисленность творений его – не ярмо работы, а незаметные ему самому следы стремительно блестящего порыва.

Правда, только таким необузданным порывом проникновения своим делом могли создаваться и гигантские фигуры богов, и большие панно, широко залитые потоками краски, магически остановленной в границах верных контуров. Только бодрая жизнь могла рассыпать тончайшие графические мелочи; как часто перед нами графики Запада являются грубо преднамеренными! Не обращаясь даже к древности, – лишь в пределах средних веков, и Восток и Запад охватывает полоса высокого проникновения действ, неожиданность расположения фигур, чутьё в украшении книги и рукописи, тогда ещё действительно значительной, ещё не перешедшей в подавляющий хаос исписанной бумаги нашей современности.

Укоризна старого японца нам страшнее случайных осуждений большинства историй об Искусстве.

О течениях японского Искусства мы можем судить только относительно. Наши мерилы, без сомнения, нечувствительны ко многому, вполне явному в разборе самих японцев. Факты и сведения о Японии, быстро нарастающие, всё-таки не открывают нам многих сторон жизни её Искусства. Борьба «декадента» Хоксая с придворными мастерами нам не убедительна; мы не вполне представляем, в чём тоже красивые предшественники Хоксая враждовали с его вещами.

Мало того, что средних художников Японии мы можем различать лишь формально, мы с трудом можем представить себе картину, как расходились по всем углам страны рисунки и оттиски в блестящем шествии феодалов от двора Микадо и как подходил народ к этим подаркам.

Одно только ясно: культура Искусства Японии имела прочную почву, и народ принял её, освятив строем жизни. Обратное нам, где культура Искусства непрошенная врывается в жизнь страны извне, от ненужных народу мечтателей. Будет ли Искусство в России, или страна избавится от него – это будет заботою не многих миллионов народа, но обидно малой кучки людей... Знаю, как такое состояние наше будут оправдывать и объяснять, но положение вещей от того, право, не улучшается.

О старых японцах можно говорить или очень кратко, набросав только резкие, всегда поразительные черты их работы, или придётся сказать не заметкой, а так же подробно, как властно привлекает к себе их многогранная работа. Душа старого японца не вместились на выставке, выставка захватила лишь некоторые блески этой души.

Песня – старым японцам. О новых – другое. Неужели и здесь уже работает гильотина европейской культуры?

Всё загрубело: рыцарь и бард умерли, и доспехи их теперь – странные пятна бутофории. Природа всё та же, те же волны вишневые, те же бездны акаций, пионов, тюльпанов, но доступ их к сердцу закрыт; творец стал механиком. Грубеют тона и рисунок.

Гений обобщения рассыпался спорными пятнами и мелкими линиями. И нет новым японцам оправдания в том, что их лубки безмерно выше мерзости, распространяемой в народе у нас. Мы – не пример. Но придётся новому японцу ответить суду истории за японский зал на прошлой всемирной выставке Парижа. Японцы – парижские неоимпрессионисты! Какая жестокая нелепость.

Такого нового не надо. О нём не хочу говорить.

Теперь японцы скупают обратно многие сокровища свои. Хочу, чтобы это было не историческое достоинство, не собирательство; чтобы это было пробуждение старой мощи искусства. Хочу, но могу ли желать?

1906

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/531, л. 1-2. (Гранки собрания соч. т. 1. с поправками автора.)
См. также: На японской выставке. (2 окт. 1905 г.)

31 января 1906 г. СПб.

Благодарственное письмо Н.К. Рериху за участие в Патриотической выставке.

Николай Константинович.

Приношу Вам мою сердечную благодарность за то любезное участие, которое Вы приняли в состоявшейся под Высочайшим Его Величеством Государя Императора покровительством историко-художественной выставке русских портретов, устроенной в Таврическом Дворце в пользу вдов и сирот павших в бою воинов.

Выставка эта, представлявшая благодаря отзывчивости русского общества глубокий художественный и исторический интерес, имела также блестящий материальный успех, выразившийся в сумме 60.000 руб. чистой прибыли, которая передана мною лично на благовоззрение Его Величества Государя Императора.

Н. Ильин

«31» января 1906 г.

С.-Петербург.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/821, 2л.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1102, 12л.

ФЕВРАЛЬ

4 февраля 1906 г. СПб.

Новые художественные издания

Оригинальное явление! Несмотря на то, что Академия закрыта, выставки устраиваются с большим трудом, сбыт сократился до чудовищного минимума, словом, художественная жизнь, как и вся вообще культурная работа страны, замерла, - появляется целый ряд художественных изданий, одно другого интереснее и изящнее. В этом сказывается протест против анархии, протест против грубого насилия политики над искусством. Протест благородный, бескровный, создаваемый в тиши кабинетов людьми ума и таланта, который по результатам своим, наверное, принесёт делу просвещения и прогресса в России много пользы.

Чтобы не быть голословным - укажу на несколько появившихся в самые последние недели и по самым разным вопросам книг, помимо сюжета привлекающих своей художественной внешностью. «Талашкино», издание «Содружества» <...>. Издание книги о Талашкине предпринято было ещё год тому назад, авторы в своём труде думали отметить большое культурно-художественное явление, притом в высшей степени национальное, с громадной будущностью, с блестящими надеждами, - но с той поры много воды утекло. Ученики школы совершили поджог, подняли руку на то, что, казалось, должно было им быть после отца и матери дороже и святее всего в мире; владелица Талашкина и инициаторша всего дела княгиня Тенишева, потрясённая до глубины души, уехала за границу, всё замерло и замолкло - кто знает - может быть, навсегда? Таким образом, в настоящее время книга о Талашкине является памятником ему.

Замечено, что жизненно и имеет прочную будущность искусство только той страны, где оно черпает силы свои в целине народной, иначе оно быстро слабеет и вырождается. Целая группа молодых художников с княгиней Тенишевой во главе, глубоко веруя в жизненность народной красоты, задалась целью восстановить эту ослабевшую связь между искусством и народом, поднять художественный вкус крестьян. Результатом явилась школа Талашкина и её деятельность среди окрестного крестьянского населения.

Книга включает в себе очерк Сергея Маковского, в котором он подробно останавливается на задачах талашкинского гнезда: создать стиль, соединяющий в себе характерное основное свойство современного западноевропейского стиля - интимность, в то же время, стараясь избежать интернациональности и придать ему чисто русский характерный колорит. Воспоминания о Талашкине Рериха, напечатанные в тексте книги, знакомят читателя с душой Талашкина, с его заветными думами и мечтами. Оригинальный слог - яркий, образный, немного отрывистый в коротких, без периодов, фразах, - он как-то неумовимо гармонирует «в стиле», «в тоне» своём - с картинами этого художника.

При книге более ста восьмидесяти снимков автотипией и в красках - обстановка комнат, мебель, балалайки, дуги, сани по рисункам или выпол-

ненные лично художниками: княгиней Тенишевой, Рерихом, Зиновьевым, Врубелем, Малютиным, некоторыми учениками школы.

Упрёк, который можно поставить изделиям Талашкина, это зачастую чрезмерная преднамеренная грубость, особенно в композициях Малютина. Это древний славянский баян, необыкновенно прочувствовавший древний народный орнамент, но баян, не желающий применяться к изменившимся за тысячу лет условиям жизни. Он хочет по-старому ходить в звериной шкуре, сидеть на жёстких неудобных лавках и т. д., и в этом его ошибка; время беспощадно, и кто не желает подчиняться ему и его законам, того оно стирает бесследно....

О. Базанкур

Слово. 1906. 4/17 февраля. №374. Суббота. С. 6.

8 февраля 1906 г.

О судьбе картин русских художников в Сен-Луи...

Печальная история с картинами

Императорское Общество поощрения художеств 6 февраля получило от русского посольства в Вашингтоне ответ на запрос Общества относительно судьбы картин русских художников, доверивших свои произведения устройщику частного русского художественного отдела на бывшей Всемирной выставке в С.-Луи г. Грюнвальду, не возвращающего художникам ни картин, ни денег. Барон Розен пишет, что он был почётным председателем на перенесённой г. Гринвальдом выставке из С.-Луи в Нью-Йорк, но о дальнейшей судьбе её и дне закрытия ему ничего не известно. Г[-н] Гринвальд заявил лишь послу, что он не продавал ни одной картины, и о возвращении их художникам не может быть и речи до тех пор, пока он не вернёт своих расходов. Многие художники доверились на очень крупные суммы: так, проф. М. Г. Сухоровский отправил в Америку картин на 38 т. руб., В. Е. Маковский на 30 т. р., Н. К. Рерих на 14 т. р. и т. д. В общем, в это предприятие, являющееся почти безнадёжным для художников, ими дано художественных произведений на 400 т. руб.

Россия. 1906. 8 февраля. № 35. Среда. С. 4.

9 февраля 1906 г. СПб.

Выставка в Академии наук

Выставка Нового общества художников, открывшаяся на днях в Академии наук, третья со времени основания О-ва. Я живо помню выставку этого О-ва в 1904 г. Это была одна из наиболее интересных в художественном сезоне того года. <...>

Но с той поры прошло три года, появились выставки Союза русских художников, и то, что казалось таким сильным, смелым и молодым, по сравнению с ними - потускнело и ослабело. <...>

Художники в настоящее время ищут форм для выражения не конкретных образов, а идей; может быть, они и откроют эти новые формы, отбросив ту, которая была привита нам со времён Возрождения и считалась до сих пор единственно правильной, но пока они находятся ещё в стадии искания, и подчас очень трудно разобраться, действительно ли это искреннее служение искусству, отыскивание оцщупью новых путей, или же просто-напросто недоумение, бессильное создать что-либо крупное, цельное и только прикрывающееся исканиями. Такое именно впечатление получается, например, от этюдов Штурмана. Его виды Нимфенбурга и Крыма с таким же точно основанием могут быть названы и видами Африки и Северного полюса, настолько отсутствует в них и воздух, и колорит (иные для разных широт и разного климата). Плоско, скучно и грубо, грубо. Такой же намеренной грубостью поражает и Пирогов в картинах своих: «Жокеи», «Коровы», «На гору», и Латри («Молодой месяц»), где фигуры татарских женщин напоминают белые каменные памятники на магометанских кладбищах, и Савинов. Вдобавок почти всё выставленное им упорно напоминает то Рериха, то Богаевского, то Врубеля. ...

О. Базанкур

Слово. 1906. 9/22 февраля. № 379. Четверг. С. 7.

14 февраля 1906 г.

Художественный аукцион

22 февраля Императорское Общество поощрения художеств устраивает свой третий в текущем сезоне аукцион картин и других художественных произведений. Всего на аукцион будет пущено свыше 200 номеров, выбранных особым жюри, в состав которого вошли: академики М. П. Боткин, Е. А. Сабанеев и художник Н. К. Рерих. Цены, по большей части, назначены самые низкие.

Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 14/27 февраля. № 34. Вторник. С.

14 февраля 1906 г.

Художественная летопись.

Н.К. Рерих, кажется, не даст в нынешнем сезоне ни на академическую, ни на другие российские художественные выставки. Причина та, что 82 его картины находятся в настоящее время на выставке в Праге, а оттуда пойдут на другие европейские выставки. Я не знаю, кто устроитель этой выставки, но я видела каталог её – текст напечатан по-чешски, сопровождается репродукциями с иллюстраций Рериха к произведениям Метерлинка, каталогу предпосылается краткая биография и характеристика Рериха, составленная С. Маковским. всё вместе взятое составлено, видимо, с таким вниманием к художнику, с такой любовью к его творчеству, что является понятным его тяготение туда, «где любят нас, где верят нам»... Что касается иллюстраций, то это как на чей

вкус... Кто любит, ценит и понимает (вернее сказать, кто думает, что понимает Метерлинка), тому понравятся и иллюстрации Рериха – такие же смутные, недосказанные, в намёках, как и драмы Метерлинка, которые предоставляется разрабатывать каждому в зависимости от его внутреннего мирозерцания. Надо признать, что иллюстрации Метерлинка действительно *выражают* Метерлинка, но не думаю, чтобы этому настроению и направлению как в литературе, так и живописи удалось остаться в будущих веках, скорее будут смотреть на это, как на одну из оригинальных эволюций душевного роста человечества, как на искание новых путей, но не как *правильный* новый путь.

Другая значительная часть произведений Рериха (тоже около 80 картин) до сих пор ещё у пресловутого устроителя американских выставок Грюнвальда. Кстати об этом знаменитом господине. Вот уже два года, что художники не могут добиться от него обратно ни картин, ни денег. Вначале г. Грюнвальд отписывался тем, что русский отдел имел на выставке успех и г. Грюнвальд так радуется успехам русского искусства в Америке, что решил устроить ещё самостоятельную выставку в Чикаго и предпринять турне по другим городам. Теперь же на новые настоятельные запросы художников г. Грюнвальд уже сообщает, что он понёс сильный убыток, он совсем разорён и т.д., и т.д., и опять картин не возвращает. всё это повело к тому, что художники, наконец, решили послать в Америку своего собственного поверенного, который будет уполномочен конфисковать оставшиеся от выставки (ибо по слухам многое было продано как в музеи, так и в частные руки) художественные предметы, а против г. Грюнвальда возбудить судебное дело. Расходы по поездке поверенного будут разложены между заинтересованными художниками, соответственно количеству и оценке их картин. Инициатива этого шага принадлежит Рериху.

О.Б.

Слово. 1906. 14/27 февраля. № 383. Вторник. С. 7.

Записные листки Н.К. Рёриха XV. Спас Нередицкий

Синодик погибшей старины вырастает.

Показали снимок незнакомой церкви. «Откуда это?» «Вот ваш любимый Спас в новом виде».

Сделался некрасивым чудный Нередицкий Спас. Нынче летом его переделали. Нашли мёртвую букву Византии; отбросили многое, тоже веками сложенное.

На пустом берегу, звеном Новгорода и старого Городища, стоял Спас одинокий. Позднейшая звонница, даже ненужный сарайчик пристройки, даже редкие ветлы волховские, всё спаялось в живом силуэте. А теперь осталась новгородская голова на чужих плечах.

Семь лет назад писал я о будущей реставрации Спаса. В 1904 году дошли вести, что Спаса обезглавят, и я писал: «Ужаснутся мужи новгородские, если на любимом, святочтимом Спасе засверкает новенький византийский котелок».

Кара времени миновала главу; опустилась на плечи. Ободраны милые Северу четыре ската крыши; вызваны на свет уже чуждые нам полукружные

фронтоны. По карнизам появились острые сухарики. Откуда они? Зачем? Кто их навязал реставратору, вопреки чутью художника? — Даже карнизик барабана главы усеяли эти ненавистные острия.

Зачем полумеры? Отчего пощадили главу? Почему не перекрыли её византийским фасоном? Зачем не снесли позднюю колокольню?

Если во имя буквы нарушать вековую красоту, надо сделать это обстоятельно, во всём пределе изуверства. Достанем из пыли греческий клир. Перешьём из саккоса Адриана портище Алексея Михайловича.

Спешите, товарищи, зарисовать, снять, описать красоту нашей старины. Незаметно близится конец её. Запечатлейте чудесные обломки для будущих зданий жизни.

Золотое руно. 1906. Февраль. № 2. С. 95. [Текст на русском и французском языках.]

Академия художеств. Картинная галерея графа Кушелева-Безбородко
(Кушелевская галерея)

Записные листки Н. К. Рёриха

XVI. Странный музей

У нас мало музеев, но и из них немногих большинство поражает странностями. Один из самых странных - музей Академии художеств.

Не буду касаться нижнего этажа скульптуры, где во мраке, в пыли и грязи заперты герои и боги. Скажем сейчас о картинной галерее.

Неразумный вопрошатель может вообразить, что в системе галереи Академии стремится представить русскую школу, хотя бы в немногих главных образцах.

Ничуть не бывало. Где тут русская школа, когда в музее нет ни Сурикова, ни Куинджи, ни Васнецовых, ни Нестерова, ни Врубеля, ни Рябушкина, ни Верещагина, ни Шварца... Нет, русская школа тут ни при чём.

Может быть, самодовлеющая «новая» Академия после старо-профессорских вещей начала собирать картины только своих лучших молодых? Нет и нет. Нет ни Малявина, ни Рушица, ни Сомова, ни Грабаря, ни Кардовского... Даже большинство конкурсных картин миновало музей Академии. Нет ни формальной основы, ни любви, ни заботы. В любой частной коллекции вещи размещаются в лучшем порядке, с большей заботой освещения и соседства. Ни порядка, ни каталога, ни снимков в музее Академии; для иностранцев даже невероятно! Есть только хранители и служители.

Темница искусства доподлинная; к тому же две трети года закрытая щитами выставок. Такое посмешище музея надо прекратить. Надо перенести выставки в иное помещение; или выстроить его новое в академическом саду, где кроме сторожей и Залемана никого не видно, или, ещё лучше, перестроить для этого один из корпусов профессорских квартир. И без того останутся целые корпуса и этажи квартирные, потерянные для прекрасных мастерских.

Академия справедливо гордится Кушелевской галереей, но ведь это дар, это чужие труды, чужая преданность искусству. Многим ли может гордиться «новая» Академия среди своих собраний?

Строгая система, широкая справедливость, заботливое устройство, примерное содержание - ничего этого нет в музее Академии. Нет даже произвола личности, иногда оправдывающего любительские собрания.

Впрочем, скажут, зачем говорить о ногах, когда всё туловище Академии теперь над пропастью.

Золотое руно. 1906. Февраль. № 2. С. 96. [Текст на русском и французском языках.]

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. Том VII, вып. первый. Под редакцией управляющего отделением С.Ф. Платонова. СПб. 1905.

Начавшийся академический год в издательской деятельности Общества ознаменовался, между прочим, новым выпуском «Записок» Русского отделения. «Записки» представляют собою том, содержащий около 200 стр. текста с многочисленными иллюстрациями. <...> Интересная статья художника-археолога Н. К. Рериха переносит читателя в близкую к столице, но малопроездную и малоисследованную ещё область озёрных плёсов Новгородской и Тверской губерний. «Красивые и высокие места, богатые лесом и озёрами с разнообразною снедью, - говорит автор, - должны были быть обитаемыми издавна». И действительно, раскопки последних лет дали богатые результаты. В статье своей «Каменный век на озере Пирос» Н. К. Рерих⁴ отмечает сделанную им совместно с князем П. А. Путятиным крупную находку кремнёвых орудий,

---

⁴ Н.К. Рерих «Каменный век на озере Пирос» - см. Великая симфония жизни, кн. 4. Декабрь. 1904 г.

остатков гончарства и янтарной поделки на берегах озера Пирос, лежащего на границе Валдайского и Боровичского уездов Новгородской губернии. <...>

А. Миронов

Исторический вестник. 1906. Февраль. № 2. С. 667-669.

Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Вып. 3. СПб. ООО «Фирма Коста». 2006.

20 февраля 1906 г.

Выставка в пользу голодающих

Общество охранения народного здоровья для оказания помощи голодающим от неурожая обратилось ко всем выдающимся художникам с просьбой устроить выставку этюдов, рисунков и т. п. и затем продать в пользу голодающих крестьян от неурожая. Уже откликнулись на просьбу Общества многие художники: Е. Е. Волков, К. Э. Гефтлер, П. С. Ксидиас, С. К. Пиотрович, Н. К. Рерих, А. А. Редковский, Н. С. Самокиш, В. П. Самокиш-Судковская, А. П. Шнейдер, А. Н. Юдин (15 картин). Общество приносит им глубочайшую признательность.

Биржевые ведомости. 1906. 20 февраля / 5 марта. Вечерний выпуск. №9196.

23 февраля 1906 г. СПб.

Академическая выставка

...Вот вам доказательство, какой Куинджи - удивительный руководитель. Он никогда никому не навязывал свои манеры, своей техники. Все его питомцы: Зарубин, Рерих, Рылов, Белый, Латри, Рущиц, все они - каждый по своему, не напоминая ни друг друга, ни Куинджи. Это - великое достоинство. Он не гасил ни в ком индивидуальности, подобно многим профессорам, а, наоборот, стремился, чтобы она разгоралась всё ярче и ярче. Он, этот обаятельный Архип Иванович, при жизни создал себе памятник лучше, выше и прочнее всяких бронзовых и мраморных. Какой громадной поощряющей поддержкой являются его премии за лучшие картины. У нас есть десяток другой меценатов, много миллионеров, но никому из них никогда и в голову не приходила такая жертва. Одним росчерком пера он отколол треть своего состояния и отдал её молодёжи. И это тем более ценно, что у нас, в России, начинающему неокрепшему художнику живётся варварски трудно.

<...> Нет личной жизни у этого человека. Ему никогда ничего не надо. Вечно он скорбит чужим горем и радуется чужими удачами, успехами....

Ник. Брешко-Брешковский

Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 23 февраля / 8 марта. №42.

МАРТ

4 марта 1906 г.

Эскизы и кроки

В художественном мире передают из уст в уста интересную новость. В мае месяце в Париже устраивается выставка картин русских художников.

Устроителем выставки является известный московский миллионер и меценат г. Рябушинский, издатель недавно возникшего в Москве художественного журнала «Золотое руно». Пока ещё подробности выставки неизвестны.

Известно лишь, что в ней примут участие почти все художники, экспонирующие нынче у С. П. Дягилева: будет участвовать М. В. Нестерон, Н. К. Рерих, произведения которого нынче выставлены в Праге, и некоторые частные коллекции картин. Если не ошибаюсь, это первый опыт устройства в Париже коллективной выставки русских художников.

До сих пор наши художники появлялись в Париже лишь на всемирных выставках, где, однако, лучшие «силы», по партийным соображениям, отсутствовали и куда посылался большей частью один хлам.

В данном случае французам предстоит познакомиться с передовыми течениями нашей живописи, и это приятно отметить.

Вышло изящное издание «Талашкино», описывающее и иллюстрирующее художественно-промышленные мастерские кн. М. К. Тенишевой.

Во введении, принадлежащем перу Н. К. Рериха, кроме взглядов на состояние нашего искусства, встречаем любопытные факты из деятельности русских меценатов. Оказывается, эта деятельность не из лёгких: при самых добрых намерениях приходится сталкиваться со многими незаслуженными поступками.

Например, г. Смоленск отказался отвести место для музея, подаренного ему кн. Тенишевой!

Так музей и остался у княгини... Среди снимков видим вещи по рисункам самой кн. Тенишевой, выступающей в качестве способной художницы-орнаментистки.

Желательно, чтобы текст книги проник в наши художественно-промышленные школы и не остался чуждым людям, работающим в так называемом «новом стиле». Ибо в последнее время чего только не выдают у нас за «новый стиль».

Петербургский обозреватель

Петербургская газета. 1906. 4 марта. № 61. Суббота. С. 2.

«Вышло изящное издание «Талашкино», описывающее и иллюстрирующее художественно-промышленные мастерские кн. М. К. Тенишевой...»

«В прекрасно изданной книге две статьи: Н. Рериха и Сергея Маковского. Первая — «Воспоминание о Талашкине» — служит введением и носит отрывочный лирический характер. «В стороне от центров, вне барышей и расчётов, творится большое, хорошее, красивое», — так кончает свои воспоминания Рерих...»

ВОСПОМИНАНИЕ О ТАЛАШКИНО

Ряд острых воспоминаний. Фигурные, звериного и цветочного рисунка, ворота, столбы, фонари. Сказочные теремки. Вышиванья. Чаща узоров: острые «городки», пухлая «настёбка», прозрачная «рединка», «набор Москва», «строчка», «кресты»... Сукманина, редно-дерюга, бранина, нацепина... ткани простые, на глаз бархатистые, мягкие. Красильня с таинством красок; пучки травы и корней; древняя старуха-мордовка в стародавнем наряде, ведунья состава прочных цветов.

Хоры. Музыка. Событие деревни – театр. И театр затейный. Вспоминаю приготовления к «Сказке о семи богатырях». Мне, заезжему, виден весь муравейник. Пишется музыка. Укладывается текст. Сколько хлопотни за костюмами; сделанные заново должны быть хороши, под стать старым, взятым из му-

зая. Постановка. Танцы. И не узнать учеников. Как бегут после работы от верстака, от косы и граблей к старинным уборам; как стараются «сказать»; как двигаются в танцах, играют в оркестре. С неохотой встречают ночь и конец.

Прошлым летом любовался таким представлением. Был участником шумной радости.

Видел и начало храма этой жизни. Строят церковь в Талашкине. До конца ещё далеко. Приносят к ней всё лучшее. От верхнего креста до мелких заставок нарочно писанных требников всё обдумывается тщательно, не в пример многим нашим соборам. В этой постройке могут счастливо претвориться чудотворные наследия старой Руси, с её великим чутьём украшения. И безумный размах рельефов наружных стен собора Юрьева-Польского, и фантазмагория храмов Ростовских и Ярославских, и внушительность Пророков Новгородской Софии – всё наше сокровище Божества не должно быть забыто. Даже далёкие пути. Даже храмы Аджанты и Лхасы.

Пусть протекают годы в спокойной работе. Пусть она возможно полней воплотит заветы красот. Где желать вершину красоты, как не в храме, высочайшем создании нашего духа?

Удивляются успеху Талашкина. Удивляются, почему быстро расходятся изделия его мастерских? Но это проломы в плотном строе прошлого, и дают они надежды на будущее. Недаром за границей оценивают достоинства дела княгини Тенишевой и с доброжелательством говорят о нём. Недаром молодёжь полна желаний применить силы свои в таком деле. В стремлении молодёжи всегда звучит хорошее, не задавленное предубеждением возраста.

Думается, что этому большому делу предстоит ещё крупнейшее развитие. Говоря о нём сейчас, приходится только сказать о развитии его в случайной минуте. Трудно предугадать, как шагнёт оно, какие заторы его ожидают, и какой след оставит оно в русской жизни. Можно только догадываться, что будущее его может быть так же примечательно, как и начало.

И корни дела не так недалеко от «единства» стиля – стремления молодого Запада. Различие подхода не заслонит цели – торжества строгой формы и линии и слияния с «единым» западным стилем, не в слепом подражании ему, а в единстве глубин красоты.

Так должно быть.

Считают изделия Талашкина безупречными. Другие отрицают их, забывая, что одно из главных достоинств творчества Талашкина – отсутствие скучной заключительной точки.

Много спора, как и обо всём, что не уложилось в обмеренные рамки.

О характере изделий Талашкина говорят разное. Называют этот стиль новым, измышленным, неприменимым. Говорят, что это прямое преемство от старорусских заветов. Находят в нём путь к обновлению всей русской обстановки обихода. Видят его чуть ли не достоянием народным. Упрекают за грубость материала и техники; обвиняют в этом Малютина...

Не знаю, что верней. Не хочу и думать об этом. Сейчас эта дума ненужная. Поможет ли она пользующим, ни творившим? Вышивкам крестьянок, полным приятнейших, растительных красок и заветных стежков и узоров, кристаллизованных веками, сочной резьбе и гончарству в удачных вещах – нет дела, кому они служат и как; безразлично чей глаз им ласкать и покоить.

Лишь бы росли и развивались такие дела. Лишь бы тем самым искусство становилось нам более нужным.

***

Усмехаемся горько: «нисколько не возбраняется презирать искусство. Любить его никто не обязан... Справедливо мнение, что искусство ничего не требует от общества кроме того, что требовал у Александра Диоген: посторонись, не заслоняй мне солнца». Эта скромная просьба искусства обращена и к толпе, к академиям, часто к критике и ко многим художникам.

Конечно, в настоящее время, а может быть, и в ближайшие дни искусство будет особенно далёким от нас, заслонённое другими событиями жизни. Может быть, ещё никогда русская мысль не удалялась так от искусства, как сейчас. Но тем приятнее в эти дни мечтать об искусстве. Приятно сознать, что, может быть, хотя бы путем временного удаления, мы ближе подойдём к нему, к его жизненной сущности. Может быть... И глаза наши, полузакрытые, открываются на многое вечное.

К этому сроку нужна работа. Нужны усилия не только отдельных личностей, лишённых ли дела, уходящих ли «в горы», подавленных ли в своих лучших стремлениях. Нужны явления сильные, с широким размахом. Такое и дело княгини Тенишевой, крепкое в неожиданном единении земляного нутра и лучших слов культуры.

В стороне от центров, вне барышей и расчётов творится большое, хорошее, красивое.

Так вспоминается Талашкино.

Февраль. 1905.

Воспроизведения с рисунков Н.К. Рериха в книге «ТАЛАШКИНО»:

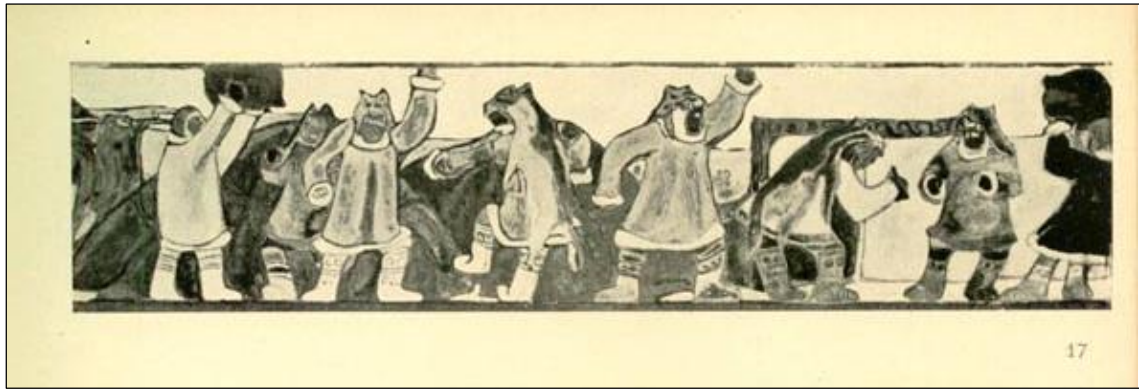
С.С. 17, 21, 23. Декоративный фриз, рисунки Н. Рериха.

С. 86. Стол, покрытый скатертью, по рис. Н. Рериха.

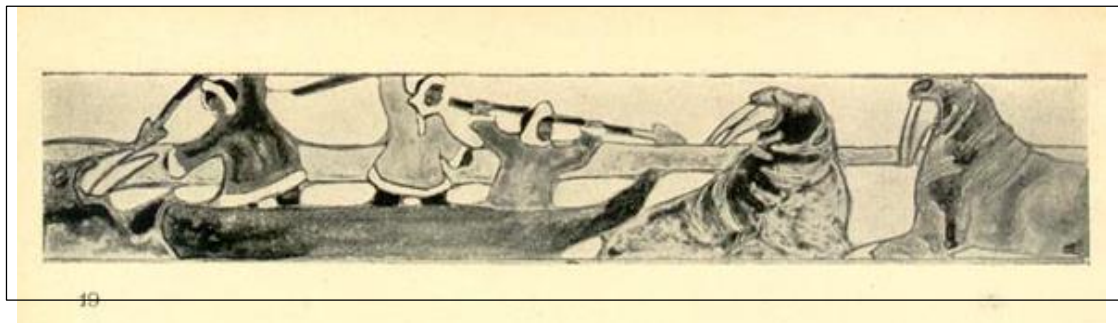
с. 119. Трёхстворчатый шкаф, по рис. Н. Рериха.

С. 120. Кресло, по рисунку Н. Рериха.

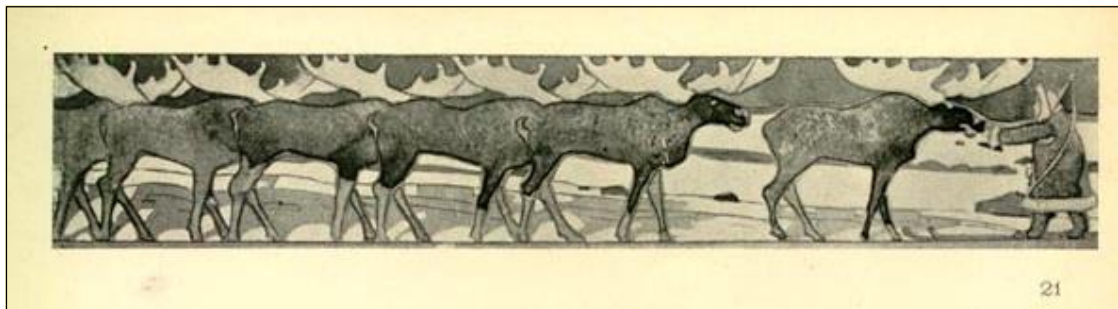
С. 134. Диван, по рис. Н. Рериха

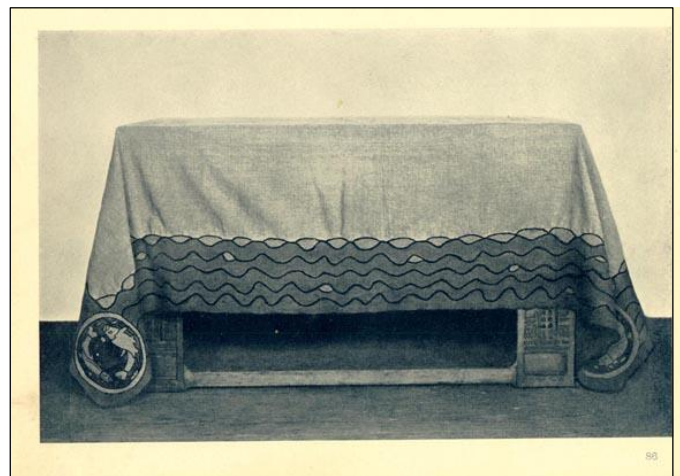
С. 17. Декоративный фриз

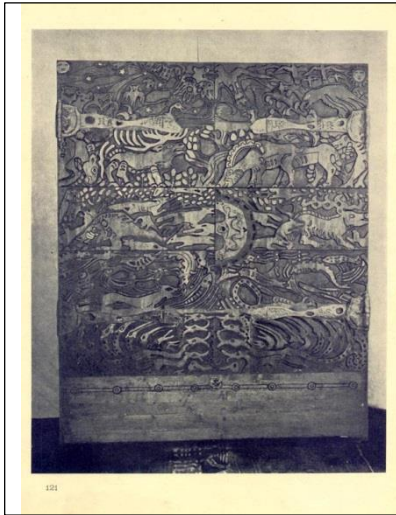
С.19. Декоративный фриз

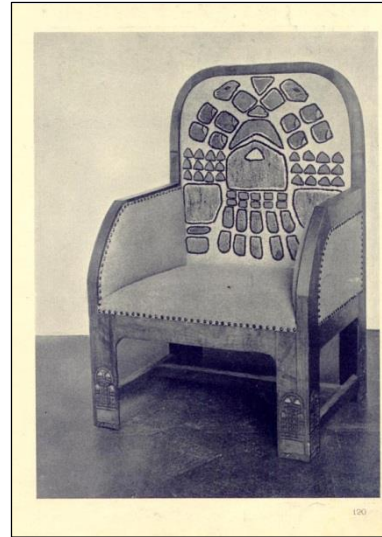
С. 21. Декоративный фриз

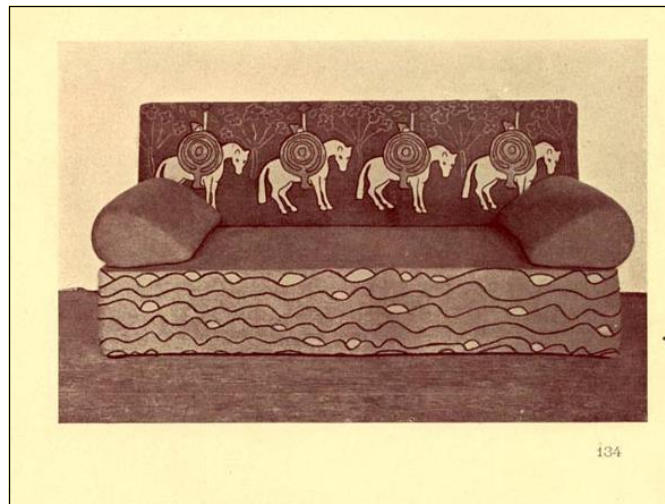
С. 86. Стол, покрытый скатертью, по рис. Н. Рериха.

С. 119. Трёхстворчатый шкаф

С. 120. Кресло

С. 134. Диван, по рис. Н. Рериха

Оформление Н. Рериха

О судьбе картин русских художников в Сен-Луи...

10 марта 1906 г.

СОБРАНИЕ ХУДОЖНИКОВ - «АМЕРИКАНЦЕВ»

В помещении Общества поощрения художеств вчера, 9-го марта, собралось человек 35 художников-«американцев», т. е. участников выставки, устроенной Э. М. Грюнвальдом на Всемирной выставке в С.-Луи и «Русской выставки» в Нью-Йорке.

Настроение собрания было весьма подавленное, художники, по-видимому, потеряли не только надежду получить «крупные» деньги американских миллионеров-меценатов, но даже разочаровались в возможности когда-либо вернуть свои сокровища-картины обратно. Заведённая переписка с нашим консулом в Нью-Йорке и телеграфные переговоры выяснили только, что в настоящее время аукцион картин, начатый г. Грюнвальдом на его «Русской выставке» в Нью-Йорке, остановлен при помощи американских властей и что Обществу заинтересованных художников-«американцев» предлагается пригласить адвоката для ведения иска в Нью-Йорке.

Продолжительные частные разговоры между «пострадавшими» художниками выяснили очень невыгодное для них обстоятельство, а именно, оказалось, что перед устройством выставки в Нью-Йорке г. Грюнвальд получил от каждого художника письменное согласие не только на устройство, продажу и оборудование выставки без какого-либо срока, но даже согласие на «ликвидацию» всего дела.

Что же надеются получить наши бедные художники-«американцы»?

Общая печаль и уныние сблизили художников между собой, и к концу собрания они решили выбрать председателя.

После тщательно выполненной закрытой баллотировки председателем был выбран секретарь Общества поощрения художеств - художник Н. К. Рерих.

Собрание скоро разошлось, не придя к какому-либо определённом решению.

Маль-шток

Петербургский листок. 1906. 10/23 марта. № 68. Пятница. С. 3.

12 марта 1906 г.

Бал художников

В зале Дворянского собрания 12-го марта состоится художественно-костюмированный фантастический бал «Весна». Бал организован кружком молодых художников с исключительной целью помочь товарищам художникам, находящимся буквально в ужасном положении.

Всё убранство зала - декорации, киоски, масса великолепных искусственных цветов - исполнено молодыми художниками. Для устройства лотерей-аллегри уже пожертвованы картины и скульптура художников: Бек-

лемишева, Гинцбурга, Маковского, Репина, Крыжицкого, Малявина, Рериха, Зарубина, Шмидта, Владимирова, Цириготти и мн. других.

Петербургский листок. 1906. 10/23 марта. № 68. Пятница. С. 4.

14 марта 1906 г.

Слухи и факты

В Париже предполагалось устроить отдельную, ещё небывалую выставку картин русских художников. Предприниматель - г. Рябушинский, издатель «Золотого руна». Участники - художники «Мира искусства» и «Союза». Говорят, очень полно будет представлен Врубель многими прежними его вещами, взятыми из частных коллекций. Чрезвычайно интересно, как отнесутся к наиболее талантливым и оригинальным русским художникам на «всемирном художественном рынке». Сомов, напр., столь популярное и крупное имя в Германии, там ещё почти неизвестен. До сих пор почти все русские отделы на Всемирных выставках представляли нечто жалкое и пёстрое.

Говорят, недавно один предприниматель обратился к С. П. Дягилеву с предложением везти выставку «Мира искусства» в Америку, пророча ей там крупнейших успех и распродажу картин, которых, кстати сказать, продано уже больше, чем на всех других выставках.

Впрочем, русские художники уже проучены Америкой, правильнее сказать, пресловутым меховщиком Грюнвальдом, устройтелем русского отдела на выставке в С.-Луи. Недавно было опять общее собрание экспонентов, которые никак не могут добиться хотя бы только возвращения всех картин, не говоря уже о деньгах за якобы проданные картины. Выяснилось, что выставка в настоящее время в Нью-Йорке, где будто бы г-ном Грюнвальдом был устроен без разрешения художников аукцион, с которого выручено будто бы около 10 тысяч и на который наложен запрет местным русским консулом. Решено действовать через Министерство иностранных дел, под покровительством которого был русский отдел.

Получили ли, по крайней мере, художники медали и дипломы, столь курьёзно присуждённые международным жюри, очевидно, не без компетентных указаний г-на Грюнвальда? Всё-таки утешение. Зато в Праге большой успех имеет выставка Н. К. Рериха. Продано несколько картин, в местной печати — целый ряд одобрительных статей о выставке. Художник получил предложения устроить её в Вене и Париже.

Несомненно всё-таки, что наше художество становится всё продуктивней...

А. Ростиславов

Слово. 1906. 14/27 марта. №411.

Вести отовсюду

Общество чешских художников «Manes» в Праге устроило выставку Произведений Рериха в Праге. О впечатлении, произведённом на чехов картинами Н. Рериха, можем судить по отрывкам из письма к нам нашего пражского корреспондента г. Milos Marten, которое за недостатком места мы лишены возможности поместить здесь целиком.

«Впечатление, оставленное этими шедеврами, - пишет г. Marten, - как нельзя более глубокое. На конференции, послужившей интродукцией к выставке, много говорено было об этом новом роде творчества, особенно об архаизме, ставшем одной из наиболее интересных проблем новейшей эстетики. Но в то время как ознакомление с работами г. Рериха выдвинуло целый ряд теоретических вопросов, подлежащих освещению чешской критики, красота их признана неоспоримой... К сожалению, у нас перед глазами лишь незначительная часть произведений г. Рериха, в которых он воскресил древнерусскую архитектуру... В них раскрывается неведомый доселе мир, заставляющий грезить снами восточной готики, которая сочетала византийское величие с суровыми элементами азиатского творчества. В общем, выставка картин г. Рериха показала, что в России совершается победоносный поворот в искусстве к новому и национальному, совершается удачная эволюция, которой гарантировано блестящее будущее...»

В дополнение к XVI записному листку Н. К. Рериха, помещённому во II № журнала, о состоянии музея Академии можем сообщить, что недавно вновь избранная комиссия из 5 членов Академии обходила мастерские Академии и пришла в ужас от грязи, их наполняющей. Словом, Авгиевы конюшни заросли даже в буквальном смысле, и чистка делается необходимой, даже хотя бы в отношении санитарном. ...

Р.

Золотое руно. 1906. Март. № 3. С. 129-130. [Текст на русском и французском языках.]

17 марта 1906 г.

Письма в редакцию Торжество надворного советника Райляна

М. г. Вчера мною было получено по почте следующее печатное извещение: «М. г. Согласно заявлению надворного советника Ф. Райляна, бюро сим извещает, что вы зачислены в списки партии правового порядка.

Бюро П.П.П.»

Ввиду такой беззастенчивости считаю нужным заявить, что я ничего общего ни с партией правового порядка, ни с господином надворным советником Ф. Райляном не имею. Ожидаю от бюро партии правового порядка удостоверения в том, что в списках бюро моего имени не числится, и объяснения заявления г. Райляна.

Художник Николай Рёрих

Русь. 1906. 17/30 марта. № 59. [Письма аналогичного содержания написаны: В. И. Зарубиным, Г. Г. Шмидтом, М. Малышевым, Л. Л. Прокоповичем.]

18 марта 1906.

**Письма в редакцию
Ещё к торжеству надворного советника Ф. Райляна**

[Письма Н. Цириготти, В. С. Степанова, С. Дудина о том, что Райлян зачислил их в партию правового порядка.]

М. г. Благодарю гг. художников Рериха, Зарубина, Малышева, Шмидта и прис. пов. Прокоповича за труды их как по восстановлению истины, так и за выраженные мнения обо мне, но, в свою очередь, я должен, однако, заявить, что услуга, оказанная этим художникам, проявлена кем-то другим. Проставив полностью мой чин и фамилию, гнусный автор-негодяй скрылся за подписью «Бюро п. п. п.». Теперь он вероятно предаётся приятному наблюдению результатов своей подлости. По составу полученных лично мною писем и печатных заявлений художников можно думать, что автор этой проделки близко знаком с составом общества «Понедельники художников».

Конечно, никого из них ни в какие партии я не предлагал.

Художник Фома Райлян

Р. S. Между прочим, мною получены письма и от гг. Крыжицкого, Зарубина, Всеволожского, Сафонова, проф. Чистякова и акад. Рундальцева.

Ф. Р.

Русь. 1906. 18/31 марта. № 60. Суббота. С. 4.

28 марта 1906 г.

Из альбома художественного критика

...у нынешней академической молодёжи нет и десятой доли тех знаний, которыми обладали ученики старой Академии, ученики барона Клодта, а позже ученики Куинджи. Сколько талантливых пейзажистов дала его мастерская!

- Ещё бы! Целая фаланга. Рерих, Зарубин, Рылов, Руциц.

<...> Я убеждён, придёт время, когда наши художники завоюют себе положение на Западе. Пока это являлось исключением для таких больших мастеров, как Репин, Верещагин, Айвазовский. Но и теперь замечается поворот. Чехи сами пригласили к себе в Прагу Рериха с его картинами. Они имели успех, автора чествовали, поднесли ему трогательный адрес. ...

Ник. Брешко-Брешковский

Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 28 марта / 10 апреля. № 69.

ХРОНИКА

**Талашкино. Изделия мастерских кн. М. Кл. Тенишевой.
Издание «Содружества». Петербург. 1905. Цена 3 р.**

В прекрасно изданной книге две статьи: Н. Рериха и Сергея Маковского. Первая - «Воспоминание о Талашкине» - служит введением и носит отрывочный лирический характер. «В стороне от центров, вне барышей и расчётов, творится большое, хорошее, красивое», - так кончает свои воспоминания Рерих. Вторая статья посвящена описанию художественных изделий талашкинских мастерских кн. Тенишевой, а также оценке деятельности руководящих работами художников: Малютина, Зиновьева, Бекетова, Рериха и др. Вот как характеризует автор, между прочим, Малютина, художника, который, как известно, является душою всего предприятия. «Малютина можно "принять" целиком, как поэта, как личность, как художественное явление. Однако, чем внимательнее знакомишься с его декоративными опытами и с направлением, которое он проводил в мастерских Талашкина, тем более убеждаешься, что стоял он очень далеко от разрешения сложной и опасной проблемы стиля. Малютин - самородок, настоящий русский самородок, со всем хорошим и плохим, свойственным русским самородкам. Большой темперамент, упрямая воля, необузданная фантазия; в нём удивительно цельно то, что называют художническим нутром. И при этом никакой дисциплины: полное отсутствие эстетического воспитания, выдержки, чувства меры, культуры. Отсюда - неуравновешенность вкуса, неумение довершать и оканчивать и какое-то убеждённое пренебрежение к задачам техники и к практическому смыслу искусства». Впрочем, главная цель и интерес к книге - в большом количестве около (около 180) прекрасно воспроизводимых автотипических снимков с художественных изделий, исполненных в талашкинских резных и столярных мастерских по рисункам Малютина, Рериха, Врубеля, Головина, Зиновьева и др. Изделия керамической мастерим! представлены двумя, тремя снимками. Очень интересны стильные вышивки рукодельных мастерских. Вышивки эти, воспроизведённые в красках, а также акварели Агнессы Линдемман - лучшее украшение этого издания.

Отдельно обращают на себя внимание страницы, где С. Маковский пытается выяснить вопрос о стиле. Говоря о причинах назревшей в Европе и у нас потребности в новом художественном стиле в сфере прикладного искусства, автор останавливается на характерных признаках этого стиля. Такими признаками он считает: эклектизм, интимность, свободу форм, а также их национальный характер. Новый стиль ведёт свою родословную не от одного какого-нибудь стиля, но от многих, подобно тому, как, например, стиль эпохи Возрождения развился из классического искусства и готики. В противоположность старине, центр тяжести нашей роскоши переместился из приёмной в рабочий кабинет, в библиотеку, в спальню, в комнаты «жилые». Заботы богатого класса теперь - о красивых мелочах, об изящной простоте повседневных близких предметов, не о внушительной декоративности помещений. Вместе с неудобными париками и чопорными движениями не нужны стали и тяжёлые золотые рамы, и громоздкие канделябры, и швейцары с булавами. Если до сих пор они сохранились - это только анахронизм. Зато бесконечно разнообразнее и утончённее сделалось отношение к подробностям домашней обстановки, к

уютности жилья. Несмотря на то, что в настоящее время, под влиянием культуры, внешние национальные признаки европейских народов почти сгладились, тем не менее, они не исчезли. Изделия Лялика, Гальяра, Фаллиза, несомненно, - французские по духу, тогда как Макинтош остаётся англичанином, Ольбрих, Ван де Вельде, Мозер - германцами, финляндские модернисты - финляндцами. В России же, особенно выделяющейся своими внешними национальными чертами, новый стиль получил резко окрашенный народный русский характер. Наконец, что касается влияния на современную культуру индивидуалистического мировоззрения, то оно сказалось и в области художественной промышленности, где каждый художник стремится к формам, свободным от всяких шаблонов, рамок и правил. Здесь автор совершенно правильно замечает, что опирающееся на этот принцип свободы творчество не должно переходить в простое проявление личного своеволия, так как за этой границей стиль теряет свои очертания, свою убедительность и типичность. Однако, подойдя вплотную к этому существенному для характеристики стиля вопросу, автор, к сожалению, тут останавливается и не проводит той черты, которая в области стиля [отделяет] *вольное* творчество от творчества *своевольного*.

Конст. Сюннерберг

Весы. 1906. Март-апрель. №3-4. С. 88-90.

29 марта 1906 г.

В Рисовальной школе Общества поощрения художеств...

Отставка директора

Нам сообщают, что заведующий Рисовальной школой Общества поощрения художеств Е. А. Сабанеев подал прошение об отставке. Причиной этого ухода, между прочим, является бойкотирование празднования его 25-летнего директорства учениками школы. Торжество это должно было состояться в будущем месяце, но ученики категорически отказались принять в нём какое-либо активное участие, так же как и некоторые из числа преподавателей. Вместо Е. А. Сабанеева директором назначен бывший секретарь Общества художник Н. К. Рерих, секретарём на его место - В. И. Зарубин и помощником — художник Белый.

Петербургский листок. 1906. 29 марта / 1 1 апреля. № 87. Среда. С. 3.

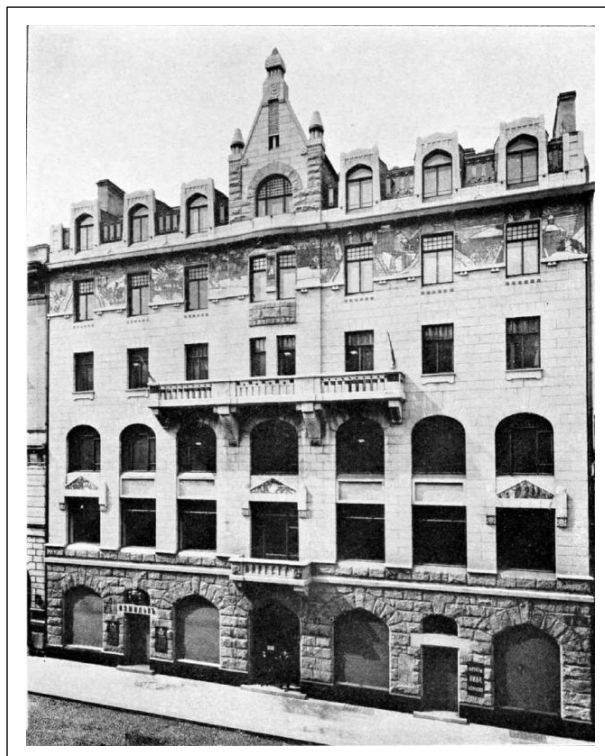
Так же: Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 29 марта / 1 1 апреля. № 70. Среда. С. 3.

Художественный отдел Открытые выставки

Прага. Выставка картин Рериха в Праге имела крупный успех. Журналы посвятили обширные панегирики таланту русского художника, дирекция Художественного училища озаботилась показать выставку ученикам, как образец для поучения и подражания. Сейчас выставка переводится в Вену.

Выставочный вестник. 1906. Март-апрель. № 1-2.

**ДОХОДНЫЙ ДОМ СТРАХОВОГО ОБЩЕСТВА «РОССИЯ»
НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ УЛИЦЕ В СПБ.**

(старое фото)

Фрагменты майоликового фриза, выполненные по эскизам Н.К. Рериха
(совр. фото)

Фрагмент майоликового фриза
(совр. фото)

Н.К. Рерих. Эскиз для среднего майоликового фриза. 1905.

Н.К. Рерих. 2 эскиза для майоликового фриза. 1905.